

The background of the book cover is a photograph of ancient stone ruins, likely the Minotaur's Labyrinth, under a dramatic, cloudy sky at sunset or sunrise. The ruins are made of light-colored stone blocks and are partially overgrown with tall, dry grass in the foreground.

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

Охота
НА
МИНОТАВРА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ

ДЕТЕКТИВНЫЙ

РОМАН

Дмитрий Агалаков

Охота на Минотавра

«Издательство АСТ»

2020

Агалаков Д. В.

Охота на Минотавра / Д. В. Агалаков — «Издательство АСТ»,
2020

На руинах бывшего кирпичного завода купца Мельникова жители города Вольжанска все чаще видят по ночам чудовище с телом человека и головой быка. По легенде, в подземных коридорах завода заточен ребенок-урод, которого жена купца родила от самого дьявола. Дело принимает трагический оборот, когда несколько молодых рокеров, решивших поохотиться на таинственное существо, погибают. На телефоне одного из молодых людей, упавших и разбившихся на обломках кирпича, видна тень этого полузверя, получеловека. Юля Пчёлкина, Мишка Сомов и Паша Киселев расследуют загадочное дело. Они узнают что в этих поволжских краях существовал древний культ языческого бога, и его последователи ежегодно устраивают оргию во славу этого божества. Юля и её друзья пробираются в подвалы завода и видят в каменном тоннеле чудовище с атлетическим телом, рогатой головой быка, и налитыми кровью глазами...

© Агалаков Д. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	32
Глава четвертая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Агалаков

Охота на Минотавра

Детективный роман

...Они озирались, встав у лестницы и обводя фонариками темноту. Тут было пусто и просторно, холодно и сыро. Лучи фонарей то и дело натывались на широкие колонны с огромными несущими арками. Они приблизительно знали, где сейчас находятся: в лабиринте под корпусами кирпичного завода промышленника Мельникова.

Детективы сделали полсотни шагов.

– Мрачное помещение, – заметил Сомов. – А, коллеги?

– Ага, – поддержал его Паша.

– Интересно, когда тут последний раз были люди? – спросила Юля. – В каком веке? И кому понадобилось строить такое подземелье?

Юля оглянулась на открытый люк, через который они только что попали сюда. Инстинктивно оглянулись Мишка и Паша. Тусклый свет падал в беспроглядно темный подвал, показывая, где выход, и это вселяло надежду. Наконец лучи трех фонарей натолкнулись на сплошную стену справа – уже хорошо! Существовали хоть какие-то границы в этом подземном дворце, похожем на просторную могилу.

– Монстры! – вдруг завопил что есть силы Мишка Сомов. – Где вы?! Монстры?!

– Ты спятил? – одернула его Юля.

– А что, страшно? Боишься, что проснутся?

– Нет, но неприятно.

– То же самое, что кричать на кладбище, а? – усмехнулся Сомов. – Ночью. Сознайся, Белоснежка.

– Почти, – призналась она.

– Вы слышите? – спросил Мишка.

– Что? – встрепелась Юля.

– Тот же звук, – ответил Сомов. – Что и в том подвале. Под колодезем. Как будто кто-то бежит и рычит. Ну же, прислушайтесь...

Втроем они замерли и прислушались.

– Или где-то катится поток воды, – заметил Паша.

– Хватит пугать самих себя, – сказала Юля. – Идемте!

Рассекая темноту фонариками, ребята двинулись вперед.

– Тут можно было подземную парковку устроить, – заметил Мишка. – Какие пространства!

– Как далеко мы пойдем? – спросил Паша.

– Что, Кисель, уже не по себе? – усмехнулся Сомов.

– Да не то чтобы, но...

– Теперь ты знаешь, что такое культурный досуг с Юлей Пчелкиной. Сплошное удовольствие плюс пара седых волос и легкое заикание!

Луч фонаря Паши первым устремился к их ногам...

– Стойте, – резко сказал он. – Под нами решетка!

Ребята осветили пол и тотчас увидели, что каменный пол закончился. Вернее, он был, но лишь местами. Камень чередовался с квадратами пустоты, укрытыми толстенной железной решеткой. Лучи устремились и ниже, под решетку, где кирпичом был выложен коридор. В середине, по желобку, ручейком текла вода.

– Вот что у нас под ногами – еще один тоннель, – пробормотала Юля.

Она едва успела договорить – издалека донесся утробный рев. И он не был похож на звук бурлящей воды или мотоциклетного мотора, как прежде. Это был именно рёв живого существа...

– Все это слышали? – когда отзвук рева стих, спросил Мишка.

– Ага, – с трудом проглотив слюну, ответила Юля.

– Еще как слышали, – подтвердил ее слова Паша.

– И что вы думаете? – задал новый вопрос Сомов. – Так где-то стекает вода?

На этот раз ответить никто не успел: рев прокатился по тоннелю вниз – и теперь он был куда ближе. Словно какое-то исполинское существо услышало их голоса и теперь неслось сюда!

– Пашка, – пролепетал Мишка Сомов.

– Ну?

– Что это?!

– А фиг его знает, Мишка! Это ужас какой-то. Юля, а что думаешь ты?

– Тсс! – девушка остановила руками спутников. – Это кто-то живой!

– Бежать уже пора, Паша? – спросил Сомов. – Только честно!

– Пора, Миша...

Третий рык прокатился совсем близко – метрах в пятидесяти от них! И теперь хрипящее рычание подкатывалось к ним тихонько, шаг за шагом...

– Это он! – точно делился откровением, пробормотал Паша. – Он!

– Пошли отсюда, – пролепетал Мишка.

– Пошли, – согласился Паша.

Но было поздно!

– Вот он! – прошептала Юля.

Три луча ударили вперед через решетку, и ребята отчетливо увидели его! Прутья мешали, но они увидели! Огромный, он прятался за краем решетки, уходившей в каменный пол – прятался и смотрел! Глаза в глаза! С мордой быка и закрученными рогами, с голым торсом могучего человека. Он смотрел на них и тяжело дышал. Хрипло, как дышат после бега. Трое ребят превратились в соляные столбы. А он стоял неподвижно и смотрел на них снизу вверх выпученными звериными глазами, пуңцовыми от крови и гнева...

– Мамочки, – прошептала Юля.

И сделала осторожный шаг назад. За ней стали отступать Мишка и Паша. Они слышали приглушенный рык существа, глядевшего на них через решетку, слышали, как оно сопело, словно выжидало, и решало, как ему быть с непрошенными гостями. Ребята отходили шаг за шагом, решетка становилась все дальше...

– А если у него есть тайный ход и сюда? – пробормотал Мишка. – А вдруг?

Все трое развернулись и понеслись к бледному столбу света, падавшему из открытого люка...

Часть первая Рык в ночи

Глава первая Белоснежка, Гном и Чудила

1

Она смотрела в иллюминатор самолета. Чудесные белые облака – до самого горизонта! Сверкающие на солнце. Райский этаж! Где вы, ангелы? Почему не видно, как вы катаетесь на велосипедах по этому полю и играете в снежки? Как кружите, подобно стрекозам, над белой долиной, с высоты ныряя вниз и легко выныривая наружу? Просто людям вас не видно! Разные измерения. Мы из железного века и замечаем только то, что можно потрогать руками. В остальное мы принципиально не верим...

Юля смотрела в иллюминатор и улыбалась своим мыслям. Нет, она летела не на юг, как хотела раньше. Она летела в город детства – в Вольжанск. Она бы все равно попала туда в это лето, к любимой бабушке, но вначале она собиралась на море. Ей хотелось немного поваляться на черноморском побережье, а то и в Турции, на жарком песке Средиземноморья, и потом уже махнуть на Волгу!

Но все ее планы спутал телефонный звонок. Она шла по коридору родного МГУ, когда в кармашке загудела трубка. Юля взглянула на дисплей. Мишка Сомов!

– Привет, Гном! – первой сказала она. – У меня скоро последний зачет, давай я перезвоню!

– Но пять минут есть?

– Даже десять – для тебя. Что-то важное?

– Еще какое важное. Ты зачет потом сдашь на пятерку!

– Заинтриговал.

– Любишь очень страшные истории? – спросил Сомов.

Юля подошла к окну и облокотилась о подоконник.

– Ты же знаешь – обожаю.

– Тогда слушай. Помнишь, километрах в двадцати от Вольжанска есть брошенный кирпичный завод?

– Помню – купца Мельникова.

– Точно, он еще дореволюционный. Его хотели обустроить, потом решили, что далеко, и корпуса признали аварийными, потому что половину из них народ давно разобрал на кирпичи. Ну, когда еще советская власть была.

– Ближе к сути, Гном.

– Сейчас будет тебе суть, Белоснежка. У меня есть товарищ по медицинскому техникуму, Колян. Он живет на краю города, в Приволжском микрорайоне, и они на эти развалины частенько мотались в юности. Сиделись на мопеды – и туда.

– И мы там были. Забыл, Гном?

– Были.

– Жутковатое место. Для маньяков. И бомжей.

– Точно. Но эти – ребята с окраины – там почти жили. У них там своя страна была. На старой дороге гонки на мопедах устраивали. Ну и, конечно, все хотели призрака увидеть.

– Директора завода? – усмехнулась Юля.

– Разумеется. Ведь ходила легенда, что он появляется в полночь один раз в году. А когда эта полночь – никто не знал. И все ждали. Несколько человек его видели. В разное время. И все говорили, что он был с рогами. Помнишь? Как черт!

– Помню, – поморщилась Юля. – Страшная история. Только откуда у призрака директора завода рога? Никто не подумал.

– И еще он был с огромной головой.

– Отлично. И что дальше? Его поймали?

– Тут самое интересное и начинается. Я тебе не сказал: этот Колян сейчас в больнице. Он с третьего этажа упал. Оступился, когда пятился назад. Вывалился. Переломался весь: руки, ноги, ребра. Но жить будет. Он от этого призрака в десяти шагах оказался. Там, на развалинах.

– Ничего себе.

– А второй, с ним был еще один парень, тот разбился насмерть.

– Эх ты...

– Колян за дерево зацепился, а потом уже рухнул на землю. А тот сразу – на битые кирпичи. Летальный исход. Родители подняли бучу. И тут опять заговорили, что три года назад в этих местах девушка с парнем пропали. Их так и не нашли. И другие пропадали. Раньше. Точно неизвестно, что прямо на развалинах, но в этих местах. А тут еще Колян со своим рассказом. Он ведь разглядел призрака. Правда, ему никто не поверил.

– Ну?

– Никакой это не призрак директора завода. Он вышел на них из темноты. Это был человек с головой быка...

– Как так?

– А вот так. Колян так сказал. Может, он ушибся и его переклинило. Но был не обкуренный и трезвый, как свидетельствовали врачи. Вот откуда все видели рога – это были рога быка!

– А с чего бы это человеку с головой быка взяться на развалинах какого-то старинного завода?

– Не знаю, Белоснежка. Говорю только то, что услышал. Приезжай, вместе и разузнаем...

– Заманиваешь?

– Да вроде как.

– Вот сдам зачет, перезвоню и скажу.

– Жду! – воодушевленно бросил Сомов.

Она сдала зачет на отлично. Юля Пчелкина все делала на отлично: училась, лгала, самоутверждалась. Когда она выходила из университета, то уже знала, что на море ее вряд ли ждет увлекательная и опасная авантюра – разве что любовное приключение. Но разве можно сравнить курортный роман, который нужно еще закрутить, с достойным персонажем, с драматургией остросюжетного детектива, да еще почти фантастического?

Большинство женщин выбрали бы любвеобильный юг, но Юля Пчелкина сильно отличалась от большинства, и поэтому теперь летела в Вольжанск. У родителей, двух профессоров, она отпросилась легко, ведь скоро ее встретит любимая бабушка – отцовская мама, лелеявшая и холившая внучку до седьмого класса, пока ту, наревевшуюся вволю, не забрали в столицу. А любовь можно найти и на волжских просторах, в щедром краю ее недавней юности. И еще какую любовь! Так, глядя на сверкавшую заоблачную красоту – страну ангелов, думала она.

Аэропорт, дорога на такси через пригород. В обед, с сумкой через плечо, она позвонила в дверь бабушкиного дома. Вот она, великая радость для двух женщин, пожилой и юной! Серафима Андреевна горячо обнимала любимую внучку, потом внучка долго обнимала любимого кота Семена, который, не стерпев нежностей, вывернулся и выпрыгнул из рук предательницы,

однажды его бросившей и улетевшей куда-то. А ведь тогда он был еще котенком, ранимой душой. Можно сказать, разбила сердце. Потом был звонок Мишке. Встретиться договорились во дворе. Вот только перекусит путешественница с дороги – и вперед.

– Белоснежка! – Мишка подскочил со скамейки, когда увидел ее на аллее.

– Привет, Гном!

Когда-то они дебютировали в школьном спектакле «Белоснежка и семь гномов». Юлю безоговорочно взяли на роль Белоснежки, а самым популярным среди гномов, весельчаком-балагуром, вжившимся в свою роль, был, разумеется, Мишка. Вот кто не отставал от своей подруги! Так их и прозвали: Белоснежкой и Гномом. Юля-то не была высокой, а Мишка был еще ниже ее на два сантиметра и комплексовал из-за этого ужасно. Но Гномом он позволял называть себя только ей. Шли годы, а Гном всё не оставлял надежд переписать сценарий сказки, в котором Белоснежка скажет ему «да».

Юля притянула друга к себе, нежно обняла его, поцеловала в щеку, потом отступила. А он насмотреться на нее не мог:

– Какая ты стала, Белоснежка... – протяжно выдохнул Мишка.

Ее не было в Волжанске всего ничего, но когда тебе восемнадцать, ты меняешься каждые полгода и похож на юный бутон, расцветающий буквально за одну ночь.

– Смотри, Гном, смотри, – Юля обольстительно прищурила зеленые лисьи глаза и покрутилась перед ним, дав ему насладиться всеми ее выпуклыми частями тела: и под обтянутыми и вытертыми добела джинсами, и под алой майкой. – Что, беседка занята? – спросила она.

– Да, дети играют. Да еще с родителями. Совести нет.

Из их любимой беседки доносился детский визг.

– Но нам-то чего рассиживаться? – спросила Юля. – Поехали!

– В больницу?

– А куда же еще?

– Она на краю города.

– Я тысячу километров пролетела, Гном. Забыл?

– Точно!

– Как наш японский дракон – на ходу?

– «Ямаха»? – усмехнулся Мишка. – Бегаёт как новая!

– Тогда пошли в гараж, Гном.

– Идем, Белоснежка, – кивнул Сомов.

Через пять минут они с ревом выкатили из двора и вылетели на центральную городскую улицу. На головах молодых людей были шлемы – не поговоришь. Да и город шумел со всех сторон – ревел, рычал, гудел...

До окончания тихого часа в больнице оставалось еще много времени. Можно было съесть по мороженому в ближайшем кафе. И купить яблок и апельсинов для больного: благо дело, напротив больничного комплекса расположился рынок.

– Как мне тебя представить? – Они сидели под тентом недалеко от шоссе, ведущего за город: – Подругой из Москвы?

– Подругой из Москвы, которая работает в «Аргументах и фактах», – подкорректировала его Юля. – Так надежнее. А то глупо получится: ко мне приехала подруга, Колян, расскажи ей, как ты упал с третьего этажа. Она любит страшные истории. У-у! Можно представиться и корреспондентом истфаковской многотиражки, но «АиФ» звучит серьезнее. И потом, я ведь действительно иногда пишу для них.

– Ладно, – кивнул Мишка. – А ты диктофон взяла?

– Конечно. И ручку, и блокнот.

– Молодец. К нему мать и отец могут прийти, сестра, еще кто-нибудь...

– Значит, подождем.

Они съели мороженое, выпили по бокалу лимонада и зашли на рынок. И только потом, с гостинцами, направились через дорогу к больнице – это был комплекс зданий на краю Вольжанска. Целый медицинский городок за бесконечным кирпичным забором.

– В каком он корпусе?

– В третьем, – сказал Мишка, когда они прошли КПП. – В травматологии, на пятом этаже.

Путешествие по больничному городку по зеленым аллеям заняло не менее четверти часа. И вот – третий корпус, синие бахилы, лифт, пятый этаж. К счастью, они оказались первыми посетителями потерпевшего.

– Какая фамилия у твоего друга? – еще в лифте спросила Юля.

– Чубкин. Николай Чубкин.

– Чубкин? Ладно. Пусть будет Чубкин.

Они вошли в палату на шестерых. Тут лежали еще несколько человек – перевязанные, перебинтованные, несчастные, старые и молодые. Один из них постанывал.

– Где он? – тихонько спросила Юля.

– Вон, – кивнул Мишка.

– Где – вон?

– У окна.

Самым перебинтованным, похожим на мумию, и оказался Колян: две ноги и рука были подвешены, корсет фиксировал поломанные ребра. Голова тоже была крепко перебинтована.

– Привет, Колян, – бросил Сомов. – Тебе повезло с левой рукой. Если бы и ее сломал – трындец...

– Не говори, – мертвым голосом откликнулся больной. – Но лучше бы правая осталась.

Колян уже остановил взгляд на Юле.

– Это Юля Пчелкина, – представил спутницу Мишка Сомов. – Журналистка из Москвы. Вместе учились в школе. Я тебе говорил.

– Здравствуйте, Николай, – доброжелательно улыбнулась Юля. – Мне жаль, что с вами такое приключилось. Очень-очень! А мы вам яблок и апельсинов купили.

– Спасибо, – вяло отозвался тот.

Мишка положил гостинцы на больничную тумбочку и продолжал:

– Юля в «Аргументах и фактах» работает. Как только узнала про этот случай с привидением – сразу прилетела. Ей как раз такой материал нужен.

– Что, про меня напишете? – поинтересовался Колян.

– Разумеется, – кивнула Юля, – если вы расскажете эту невероятную историю.

– Расскажу, конечно, – быстро согласился тот.

– Отлично, – сказала девушка. – Я, правда, внештатный корреспондент и на сто процентов ничего обещать не могу...

– Это ничего, – перебил Колян. – Все равно расскажу!

Присутствие Юли оживило покалеченного Коляна, в глазах его появилась радость: ведь его окружали инвалиды, сам он был почти при смерти – и вдруг само солнышко спустилось к нему.

– Расскажи, расскажи, может, про тебя еще фильм снимут, – посоветовал худой старик с загипсованной ногой, лежавший на соседней койке. – Про дурака-то. – Ребята осуждающе посмотрели на него. – Как ты на стройке обкурился и чуть шею себе не свернул, – добавил он, зло засмеялся, а потом и закашлялся сиплым кашлем заправского курильщика.

– Не курил я ничего, – с жаром выкрикнул Колян. – Я спортсмен. Мотоциклист, в смысле.

– Спортсмен, – усмехнулся язвительный старик. – Все вы курите – с туманом в башке живете.

– Никого не слушайте, – успокоила Юля покалеченного ровесника. – Вот вы, дедушка, как покалечились?

Старик недовольно взглянул на девушку.

– На даче я покалечился, крышу чинил и упал.

– Вот видите, про вас точно фильм не снимут и даже в «Аргументах и фактах» не напишут, – заметила Юля. – У вас самый заурядный случай. Небось, еще и самогона натрескались, да?

– Чего?! – аж приподнялся старик.

Кажется, девушка попала в точку.

– А новый закон, дедушка, знаете? – продолжала она. – Кто покалечился в нетрезвом состоянии и не на работе, как вы, тех домой выписывают на третий день, чтобы больницу просто так не занимали. И за медикаменты вычитают. – Пара мужиков в палате озабоченно засопела, еще один, тоже весь в гипсе, тихонько стал возмущаться. Но Юля не обратила на них внимания. – Знаете, сколько ваш гипс стоит плюс антибиотики плюс уход?

– Ты это мне тут...

– Не тыкайте, – перебила его Юля. – Или замолчите сейчас же, или я к начальнику отделения пойду и скажу, что вы занимаете чужое койко-место. Ясно?

– Ишь, Колька, какие к тебе ходят, а?

– Я спросила: ясно?

Старик не ответил, только закричал и гордо отвернулся от посетителей своего соседа. А Юля подмигнула Коляну: мол, не унывай, бедолага! На вопросы других покалеченных, когда закон вступил силу, Юля дала разъяснения: две недели назад, так что пусть готовятся держать ответ за свои травмы. Одним словом, теплый дружеский контакт был установлен.

– Где сядем, Миш? – спросила Юля.

– Куда больной скажет. А, больной?

– Только вы на одну сторону садитесь, – посоветовал Колян. – А то головой вертеть трудно...

– Нет вопросов, – откликнулась девушка. – Миш, поухаживай.

– Ага! – быстро отозвался тот.

И через минуту они сидели у окна, справа от покалеченного Николая Чубкина. Юля положила на тумбочку диктофон, взяла в руки блокнот и авторучку.

– Ну? – кивнула она.

– Мы там на спор ночевали, – начал Колян. – Дураки... За три дня до этого два наших друга, Соколов и Прошкин, остались на ночь недалеко от развалин. Приехали на мотоциклах, выпили пивка, да немало, расхрабрились, обратно решили не ехать. Лето, жара. И костер горит. Заснули, короче. Так многие и раньше делали. А костер погас. Ночью Прошкин и Соколов встали по делу...

– Одновременно? – спросил Мишка.

– Да, а что?

– Странно.

– Чего тут странного? Проснулись, разговорились, потом, мол, не пора ли нам отлить?

– Все очень достоверно, Николай, – ободрила его Юля. – Продолжайте.

– Ну вот, стоят, делают дело, смотрят на развалины. А они на фоне ночного неба четко видны. Соколов первый увидел и говорит Прошкину: «Смотри на третий этаж». А тот, мол, чего там? «Кто-то есть. Стоит!» Прошкин делает свое дело и отвечает: «Да кто там может быть?» Соколов шипит: «Смотри лучше!» Тут уже и Прошкин: «Точно! Вижу!»

– Да что же они увидели-то? – поторопил его Сомов.

Парень в гипсе сделал большие глаза:

– Силуэт! Да странный он какой-то. Пригляделись. Человек вроде. Он стоял в проеме и с высоты смотрел на них. Они одновременно сообразили, в чем странность. Оба увидели его огромную голову и рога над ней! Это был монстр!

Юля и Мишка переглянулись.

– Дальше, Николай, – попросила девушка.

– А что дальше? А дальше он заревел, как они сказали. Тут им и поплохело. Они едва штаны застегнуть успели, потом отвлеклись на секунду, глядь туда – а там уже никого нет. Соколов и Прошкин все бросили, метнулись к мотоциклам и кое-как убрались.

– А сколько они пива взяли? – спросил Сомов.

– Литра по четыре на брата, – честно ответил Колян. – А то и по пять.

– Немало. И не мешали? Ну, там, водочка или типа того?

– Не! Мы все только по пивку! – замотал головой обезноженный и загипсованный Колян. – Отраву не пьем.

– Отраву! Чо б вы понимали? Водка мозги проясняет, – вдруг ожил старик со сломанной ногой. – А пиво, моча ваша, дурманит! – Он говорил вполоборота. – Верно, мужики?

Другие «поломанные» пациенты палаты одобрительно загудели.

– Вот что, дедушка, будете влезать в наш разговор, я свое обещание сдержу, – строго предупредила Юля.

– Да молчу я, молчу. Красна девица, тебе б в милиции работать.

Надо сказать, она с трудом верила в этот рассказ. Юля поймала взгляд Мишки Сомова:

– А может, они так сильно хотели его увидеть, этого монстра, что и нафантазировали его во всей красе?

Тот пожал плечами:

– Да кто его знает? Чего там в темноте увидеть можно?

– Вы дальше слушать будете? – вопросом напомнил Колян о том, что рассказ его только начат. – Забыли, почему я здесь?

– Простите, Николай, – за себя и Мишку отозвалась Юля.

– На следующий день мы все собрались на тех развалинах. Днем. Нас человек двадцать было. Разбились на три группы. Вооружились битами, газовыми пистолетами, походили по этажам, поглядели: никого. Соколов и Прошкин особенно проявляли инициативу. Часа три мы ходили. Вот тогда Гришка и сказал: «Да разыгрываете вы нас! Это вас надо было отдубасить». А Соколов и Прошкин ему: «А ты сам тут переночуй!» А он: «Легко! Кидайте нам с Коляном по две штуки – мы переночуем». Договорились на тридцати литрах пива, чтобы всем досталось. Я отказываться не стал, неудобно было. Мы с Гришкой решили, что останемся на ночь на следующий день, но на третьем этаже. Так все решили. Там, где Соколов и Прошкин видели монстра. Чтоб страшнее было, – пояснил он.

– Ну, ясен пень, – кивнул Сомов.

– И договорились, чтобы по-трезвому. Приехали мы часов в десять, когда стало смеркаться, забрались на третий этаж и остались там. Бросили по одеялу, оделись потеплее, сигаретами запаслись, кстати. Взяли по газовому пистолету и баллончику. И по ножу. И по бите. Ну так, на всякий случай.

– Если честно, страшно не было? – спросил Мишка.

– Было, но куда деваться? Всё прислушивались к каждому шороху. Курили одну за одной, болтали, шутили, пока Гришка меня не схватил за руку. Или я его? Не помню, – тяжело замотал головой Колян, – кто первый услышал этот рев!

– Рев? – переспросила Юля.

– Да! Отдаленный вначале. Как будто из глубины этого здания. Откуда-то снизу! Прямо из-под земли! Мы языки проглотили. Схватили газовые пистолеты, сидим слушаем. Зубами стучим. Мурашки по коже. Минут пять так просидели. Тишина. «А может, кто-то из наших, а? – спросил Гришка. – Шутит?!» – «Соколов и Прошкин?» – спрашиваю я. «Ага, – отвечает Гришка. – Убью гадов...» И вдруг – тот же рев! Но уже ближе! Может, на первом этаже, а может, и на втором! Вот когда мы подскочили. Целимся в темноту. А потом тот же рев, но уже

рядом, на нашем этаже. «Не подходи! – Гришка заорал. – У нас пистолеты! Грохнем ведь!» А рев уже совсем рядом, но откуда – не ясно. Там всюду коридоры. Стоим ждем. И вдруг я вижу: в конце коридора слева – движение. Тень идет прямо на нас. «Не подходи, – теперь уже я говорю. – Не надо! Хуже будет!» А он, этот черный, сделал еще два шага в нашу сторону. А там свет луны падал через проем окна. Вот тут я и увидел его: морду быка и рога. И грудь такую здоровую, накачанную, как у атлета. Он, этот монстр, едва появился и застыл в этой тени. Тут Гришка не выдержал и пальнул в него. И я за ним. Я видел, как монстр дернулся, мы попали в него, но ему пофиг было! Я услышал его тяжелое дыхание. Хриплое. И вновь он двинулся на нас. И тут мы не выдержали оба – стали отступать, пятиться. А он пошел на нас, и свет падал в окна и освещал его рога, такие вывернутые, кольцом, и эту страшную звериную морду. Как мы оказались около той разрушенной стены, я не помню. У меня от страха ноги ватными стали. Мы просто за спину не смотрели, а он шел на нас и шел. Мы и оступились одновременно. Помню, как я полетел вниз, потом хруст, это ветки были, потом шлепок такой жуткий – это Гришка на кирпичи упал, у него голова раскололась. А я рядом, на землю, спиной. Боль жуткая, в глазах плывет, а я наверх смотрю. И вдруг эта голова с рогами выплывает над третьим этажом и смотрит на меня. Тут я и отключился. Пришел в себя, когда ребята меня к дороге несли. Все, – выдохнул Колян.

– Кошмар, да? – спросил Мишка.

– Вот это история, – пробормотала Юля. – Тут не то что для «Аргументов и фактов», тут для телепередачи «Очевидное – невероятное» на целую программу материала хватит.

– Тебе повезло, Колян, – предположил Сомов. – А мог и головой повредиться.

– Еще как мог! Меня до сих пор кошмары мучают, – кивнул загипсованный охотник за приключениями. – Как теперь жить-то дальше? – вдруг спросил он. – Когда знаешь, что там такой ужас затаился? – Мишка поймал взгляд Сомова, а потом Юли. – На развалинах кирпичного завода? Ведь мне никто не поверил толком, решили, что я таким образом смерть Гришки покрываю. Мало ли, мол, чего у нас там ночью вышло? Напились – и рухнули. Но кровь на анализ-то взяли – не было алкоголя. Мы решили, что на следующий день уьемся. Теперь месяц ждать, а то и полтора.

– А то и два, Николай, – кивнула Юля.

– И Гришку уже не вернуть, – его голос предательски дрогнул, – а ведь мы не разлей вода были.

– Но ты все равно храбрец, – подбодрила его корреспондентка. – Я тебя уважаю, Николай Чубкин, – она потянулась и сжала пальцы его здоровой руки.

– Спасибо, – благодарно всхлипнул он. – Пацаны за Гришаню отомстят. И за меня. Они уже клятву дали.

– Какие пацаны? – спросил Мишка.

– Дружбаны, какие. Байкеры из нашей банды! Сказали, найдут монстра и убьют его. И голову на стену повесят!

– Ясно, – кивнул Сомов.

Через десять минут они распрощались с Коляном и другими пациентами палаты. Покинув больничный корпус, ребята направились к стоянке.

– Если выстрелить человеку из газового пистолета в лицо, что будет? – риторически спросила Юля.

– Плохо человеку будет, умереть может. Я так думаю.

– А быку? Если выстрелить в морду быку?

– Ну, бык, может, и не умрет, но взбесится и все переломает вокруг. И всех затопчет.

– Правильно. А если выстрелить в морду человеку-быку?

– Вон ты о чем...

– Ага. Ответ: он и глазом не моргнет – и дальше двинет на тебя.

– Это да. Если верить рассказу этого оболтуса.

– А я ему верю. Человеку-быку все будет нипочем, потому что он, или оно, существо необыкновенное. Если от этого мира, то лишь наполовину. Я ума не приложу, как нам быть, – сказала Юля. – Что скажешь, Гном?

– Лучше бы этот призрак был плодом их воображения, – со знанием дела заметил Мишка Сомов. – А то чересчур жуткая история получается. Байка из склепа.

– Точно! Вот если бы засесть в архивы и порыться, поискать заветные ниточки...

Они уже зашли на стоянку, когда Мишка сказал:

– Есть один человек, который точно смог бы нам помочь.

– Кто?

Мишка хмыкнул.

– А ты не догадываешься?

– Какой-нибудь старичок-историк? Мастодронт-краевед?

– Тепло.

– Да кто, Гном? Я и сама историк, кстати.

– Есть один, кто любого старичка-краеведа за пояс заткнет. Я так думаю.

– Ты меня специально дразнишь?

– Ну так, немного.

Они уже надевали шлемы – вдруг Юля подпрыгнула как ошпаренная.

– Ты серьезно?!

– Ага, догадалась?

– Нет, ты серьезно, говорю?

– Ну да, а что?

– Нашего психа из семейки Аддамсов? Нашего «злого волшебника»? Чудилу?

Она изумленно хлопала глазами, как будто не верила, что поступило именно такое предложение.

– Ну да, – пожал плечами Мишка. – Я только его не видел пару лет. Со школы. Но можно найти, если он не уехал куда-нибудь в страну, где живут придурки.

– У меня от него до сих мороз по коже! От одного его взгляда, – уточнила она. – А я смелая, кстати.

– Ну, мало ли, Белоснежка. Тебя же никто с ним обниматься не заставляет.

– Надеюсь.

– А он на тебя западал. В шестом классе. Ой, западал!

– Помню. Ужас.

Мишка вздохнул.

– Он мне признавался: я б, говорит, для нее домик построил.

– Брр! – поежилась Юля.

– А я ему: где, рядом с моргом?

– Вот-вот!

– Потом тебя забрали в Москву. Он мне говорил: «Хочу смастерить куклу, похожую на Юлю Пчелкину, оживлю ее и буду любить, а потом у нас дети будут».

Юля приложила руку к сердцу:

– Кошмар! Не надо. Я сейчас заплачу.

– Ничего, потом отпустило. Смирился наш волшебник.

– Ты ведь меня тоже звал на каких-то руинах жить, – вспомнила Юля. – В пятом классе.

– Я другое дело, я человек солнечный.

– Но жить звал на руины.

– На чердак, – поправил ее Сомов. – Я тебя звал жить на чердак в бабушкином доме. Там сухой теплый чердак.

– Это успокаивает. Кстати, где он учится, наш Чудила?

– Надо узнавать.

– А есть предположения?

Мишка кивнул:

– В институте смертельно больных, на кладбищенском факультете. Где же еще? Специально для него могли открыть.

– Это точно. Ну что, поехали?

Они забрались в седла, застегнули шлемы. Воинственно зарычал мотор, и «Ямаха» с молодыми людьми, вырвав из ряда машин, медленно покатила в сторону шлагбаума...

2

До позднего вечера Мишка обзванивал всех друзей и знакомых, пока не узнал, где обитает их одноклассник. После окончания школы тот переехал с родителями в соседний район. «Если я ему позвоню, он меня отфутболит, – сказал по телефону Мишка подруге. – Лучше нагрянуть и прижать к стенке». – «Тогда нагрянем и прижмем, – согласилась та, – прямо сегодня. Сейчас». После ужина Юля и Мишка сели на мотоцикл и, слетев по улице Алексеевской вниз, понеслись по проспекту вдоль Волги. Сверкавшая огнями набережная, шумная, гремющая, летним карнавалом покатила влево. Потом вновь подъем. Еще несколько улиц, и скоро они вышли у высотного дома в спальном районе, где жил их странный одноклассник.

Почему странный? Тут особый разговор!

В далеком восьмом классе это был длинный тощий страшила в очках с толстыми линзами, все время сидевший за книгами. Паша Киселев говорил о легендах, поверьях, привидениях, кладбищах, раскопках древних могильников, о разрушенных замках и домах с теми же призраками, о кладах и проклятиях! Он просто бредил стариной и потусторонним миром! Поэтому и прозвища у него были под стать: Призрак, Скелет, Аддамс – ведь именно такой тип должен был родиться в семейке Аддамсов! Но больше всех закрепилось Чудила: Паша всячески искал связь дней нынешних с веками минувшими и находил их. Однажды он принес на урок настоящий человеческий череп, который выкопал в каком-то могильнике, выварил его и покрыл лаком. Паша утверждал, что череп заколдован и на нем лежит древнее проклятие, и кто коснется его, когда он будет читать заклинание, на того это проклятие благополучно перейдет. Девчонки бегали от одноклассника с черепом как от огня, да и мальчишки не больно хотели видеть его в своей компании. Бить его опасались. Даже самые крутые силачи побаивались, не читает ли Чудила проклятие, когда смотрит на их кулаки. Так он и жил отшельником, почти изгоем в классе, а неординарная внешность лишней раз проводила дистанцию между ним и его сверстниками.

Юля и Мишка хитростью проникли в подъезд, в лифте поднялись на восьмой этаж и теперь стояли у дверей общего пенала.

– Ну что, стучимся в двери ада? – спросил Сомов. – Вызываем злого духа?

– Стучимся и вызываем, – кивнула Юля.

Мишка нажал на кнопку звонка – одну из трех на косяке.

– Спрячься! – вполоборота бросил он Юле. – Пусть будет сюрприз!

– Точно?

– Да! Будешь козырной картой! Ферзем! И потом, его надо подготовить – а то Чудила увидит тебя и в обморок брякнется.

– Ладно, – согласилась Юля и ушла в темноту на лестницу.

А в пенале уже открывался дверной замок. Зашаркали тапочки.

– Кто? – спросил за общими дверями женский голос.

– Здравствуйте, – отозвался Сомов. – А Паша дома?

– А кто спрашивает?

– Друг детства.

– Это с каких это пор у Пашки друзья детства появились? – совершенно искренне спросила женщина. – Ладно, сейчас позову.

И зашаркала тапочками обратно. «Пашка, тебя!» – донеслось издалека. Потом слышались другие шаги, но уже шлепающие. Щелкнул замок, и дверь открылась. На фоне золотого света прихожей стоял длинный худой молодой человек, носатый и губастый, обиженный всем своим видом на весь мир.

– Привет, Кисель.

– Я больше не Кисель, – ответил тот.

Глядя на хозяина снизу вверх, Сомов усмехнулся:

– А кто ты теперь? Зорро?

– Вот что, Рыжий, если ты будешь давить на меня, то я против. Иди откуда пришел.

– Не буду, Кисель. Ой, – спохватился он. – Прости. Паша.

– Павел.

– Прости, Павел. Ну уж тогда и ты меня Михаилом называй.

– Я согласен, Михаил.

– А где твои окуляры? Очки с толстыми линзами, которые так все любили? Особенно девушки.

– Мне сделали операцию – теперь вижу третью строчку снизу.

– Круто. Теперь бы мы тебя Соколом прозвали. Ты где-нибудь учишься, Павел?

– А что?

– Да просто спрашиваю.

– Тебя это так волнует?

– Очень.

– Да мы вроде друзьями никогда не были?

– Ну не были. А теперь вот интересуюсь. Ну, сказать-то можешь?

Длинный губастый Паша все еще приглядывался к однокласснику.

– В Академии культуры на краеведческом факультете.

– Класс! – вырвалось у Мишки. – Уже всех педагогов за пояс заткнул? Всех запугал эрудицией? И версиями? Потусторонними особенно?

– Тебе чего надо от меня? – нахмурился и без того серьезный Паша. – Я ужинать собирался.

– У меня вопрос по краеведческой теме, представляешь?

– С трудом. Тебе-то она зачем, эта тема?

Мишка покачал головой:

– А вот надо. И кстати, я не один. – Он оглянулся назад.

– А кто с тобой? – насторожился Паша. – Я и тебя-то не больно рад видеть, а кого-то еще – так и совсем. Я, наверное, пойду... – засомневался он. – А ты оставайся, если хочешь, – он все говорил без тени улыбки. Паша кивнул в темноту: – Только смотри, у соседей собака злая.

– Я с дамой, Кисель.

– Павел, – мрачно поправил гостя хозяин дома.

– Я с дамой, Павел.

– И зачем мне твоя дама?

– Да ты знаешь ее – учились вместе!

– Мне безразлично – я вас всех терпеть не мог.

– Это особая девушка!

– Привет особой девушке. И пока.

Паша уже хотел было закрыть дверь, но на лестнице слышались легкие шаги.

– Сюрприз! – сказал Мишка Сомов.

Из-за косяка вышла, покачивая бедрами, она, девушка в джинсовом костюме, и привалилась к косяку.

– Привет, Киселев. – В руках она держала пылающий красный шлем.

Паша затрепетал: что-то очень горячее всколыхнулось в нем, и прилив этих чувств отразился на его лице. А потом, когда греза стала явью, у него отпала нижняя челюсть. Он смотрел на гостью и моргал глазами.

– Я тебе говорил, – вполоборота бросил Мишка. – Если бы ты вышла сразу, его бы кондратий схватил.

– Юля? – прошептал Паша. – Пчелкина?

– Она самая, Киселев, – улыбнулась девушка.

Мишка покачал головой:

– Эффект разорвавшейся бомбы.

А Паша все моргал и моргал глазами, поедая взглядом налившиеся формы девушки, ее веселые лисьи глаза и лукавую улыбку.

– Какая ты стала...

– Да, Киселев, время пошло мне на пользу, – согласилась Юля. – Сомову тоже нравится.

– У тебя сейчас слюна потечет, Павел, – ревниво заметил Мишка. – Ты, кстати, бешенством не заболел? Тебя ведь, говорят, собака кусала. Нездоровая. В девятом классе.

– Это было в десятом. И собака была здоровая, – заметил Паша. – У нее потом кровь брали. А ты, Пчелкина, как в Вольжанске-то оказалась?

– В гости приехала.

Мишка усмехнулся:

– У нее тут бабушка живет, и потом, она по мне соскучилась. Может, мы пожениться собираемся.

– Правда? – горестно заволновался Паша.

– Нет, неправда, – ответила Юля. – Мы с Мишей друзья. (Сомов разочарованно развел руками.) Но самые лучшие, – Юля положила руку ему на плечо. – И у нас к тебе дело.

– Какое?

– Важное. Очень. По твоему профилю. Ты готов помочь нам? Мне? – на всякий случай уточнила она.

– Готов, – тотчас кивнул тот.

Это был произвольный, непродуманный кивок. Он шел из глубин его подсознания, всего естества.

– Вот и молодец, Паша, – улыбнулась Юля.

– Тебе можно называть его Пашей, а мне нельзя? – поинтересовался Мишка.

– Да, ей можно, а тебе нельзя, – ответил за девушку Киселев.

– Ну, дает! – покачал головой Сомов. – Ладно, стерплю.

– А чего мы тут стоим? – спросила Юля. – Пошли на улицу, посидим у подъезда. Там и расскажем. В этом деле помочь нам сможешь только ты, Киселев, потому что ты в своем деле мастер. Надевай ботинки, – кивнула она на его длинные ступни в старых порванных тапочках. – Мы ждем!

В лифте Паша то и дело смотрел на Юлю. Если даже для Сомова она выросла с каждым приездом и Мишка всякий раз восхищался ее ладностью, то что говорить о Киселеве: он-то не видел Пчелкину с восьмого класса! Для него она из легкой Дюймовочки, грезившей спортивными достижениями, превратилась в прекрасную взрослую женщину. В принцессу на выданье! А ведь он мечтал о ней когда-то днями и ночами!

Юля тоже присматривалась к Паше и время от времени улыбалась.

– Чего? – вдруг сконфуженно спросил Паша, когда лифт уже несся вниз.

– Да так, – пожала плечами девушка.

Киселев повзрослел, возмужал, он был уже не таким устрашающе худым, похожим на скелет, с вечно оттопыренной нижней губой и невидящим взглядом. Вислая губа, конечно, осталась, но все остальное более или менее пришло в норму. А главное – взгляд: он стал сосредоточенным, как у молодого ученого, решившего во что бы то ни стало стать великим изобретателем.

– Ну правда, чего?

– Да, и чего ты так загадочно улыбаешься, Белоснежка? – спросил Сомов.

– Пашин череп вспомнила, – призналась она. – Тот самый, с проклятием.

– Да-а, – протянула Мишка. – Было весело!

– Не мне, – мрачно ответил Паша. – Родителей к директору вызвали. А они потом обыск устроили. И все кости, которые я выкопал, и выварил, и лаком покрыл, выбросили. Сказали: или мы, или кости.

Лифт вздрогнул и остановился.

– Признайся, ты ради костей и от предков бы отказался, – усмехнулся Мишка.

– Не смешно. Отправим тебя в интернат, сказали, – добавил Паша.

И двери лифта разъехались. Они вышли на парадный подъезд. Было уже темно. Ближние дома лучились огнями. К счастью, обе лавочки оказались не заняты. На одну из них и приземлились трое молодых людей.

– Ты готов, Паша, выслушать страшную историю? – спросила Юля.

– Я всегда готов выслушать любую страшную историю, – ответил их долговязый одноклассник.

– Ты ведь знаешь развалины завода купца Мельникова за городом?

– Еще бы, – откликнулся тот. – Я про них все знаю.

Хоть было и темно, но Юля перехватила взгляд Мишки. Кажется, они пришли по адресу.

– И про страшного призрака знаешь, который появляется на развалинах?

– Директора завода? – усмехнулся Паша. – И про него знаю. Хотя никакого призрака директора завода не существует.

– Вот и мы об этом. Не про директора завода. Про того, что с головой быка.

– А-а, – радостно кивнул Паша. – Это другое дело.

– Реакция положительная, – заметил Мишка Сомов.

– А что ты про него знаешь?

Киселев внимательно посмотрел на девушку.

– А что вам именно нужно?

– Все. Буквально все.

– Говорят, у него огромная голова и рога. У этого призрака. И что он ревет странным рыком, похожим на мычание. И появляется он крайне редко.

– Всё верно, – призналась Юля.

– Расскажи ему, Белоснежка, – посоветовал Сомов. – Или хочешь, я расскажу.

– Я сама расскажу, – решила не отпускать инициативу Юля. – Ты прав: ребята, которые тусуются вокруг завода, уже не раз видели на развалинах человека с головой быка – почти что греческого Минотавра. Иногда по ночам он подавал голос. Несколько дней назад один парень погиб, другой покалечился. Едва выжил; мы говорили с ним сегодня в обед.

Глаза Паши вспыхнули любопытством:

– И что он рассказал?

– Много чего!

– Он видел его? Близко?

– Слушай, Киселев, и внимательно, – сказала Юля.

И она подробно рассказала Паше про то, что они узнали всего несколько часов назад. Еще в середине рассказа Паша подскочил с лавки и стал взволнованно ходить рядом с ними и оживленно кивать.

– Я знал, что рано или поздно это случится, – когда рассказ был окончен, пробормотал Паша, и ребята впервые увидели на его лице улыбку.

Надо сказать, она настораживала! Если не отпугивала.

– Смотри-ка, стоило заговорить с ним про смерть и ужасы, как ему похорошело, – тихонько заметил Мишка. – Эх, Киселев, Киселев, Аддамс ты наш!

– Я знал, – не слушая его, кивал долговязый Паша. – Знал! И случилось это на нашем веку! На моем веку! – уточнил он.

– Да что ты знал? – спросила Юля. – Что случилось?

– Нам надо попасть в наш музей, – вдруг сказал Паша.

– Сейчас? – удивилась Юля.

– Ночь в музее? – усмехнулся Мишка Сомов. – Супер!

– Нет, конечно, утром, – ответил Киселев.

– Ну, слава богу, – заметил Мишка. – Логика пока не изменяет ему.

– А потом надо наведаться и в библиотеку, в архив, но это будет дольше. И еще неизвестно, цело ли то, что я буду искать. Без чего нам не обойтись.

– Нам? – переспросил Сомов.

– Теперь уже «нам», – кивнула Юля.

– Но вначале надо попасть в музей, – заключил Паша Киселев. – Только кто нас пустит в архивы музея?

– Я пушу, – гордо ответил Мишка.

– Ты? – удивился долговязый Паша.

– Что, Чудила, не ожидал?

– У него там тетя завхозом работает, – пояснила Юля.

– Заместителем директора по хозяйственной части, – поправил ее Мишка.

Юля кивнула:

– Короче, договоримся.

– А-а, тогда хорошо, – обрадовался Паша.

– Ты сказал: я знал, что это рано или поздно случится, – напомнила Юля. – Хоть намекни!

– Нет, – покачал головой Паша. – Завтра.

– Какой ты вредный, Киселев, – заметил Сомов.

– Какой есть, Сомов.

– Ладно, – Юля хлопнула себя по коленям и легко встала с лавки. – Теперь обменяемся телефонами – и по домам. Завтра в одиннадцать у музея. Да, Паша?

– Да, Юля, – кивнул тот. – Спокойной ночи.

Они расстались. Киселев пошел ужинать. Юля и Сомов двинулись к мотоциклу.

– «Да, Паша, да, Юля», – когда они садились в седло, сказал Мишка. – Прямо что ты!

– Ты ревнуешь, Сомов? – заметила ему на ухо Юля.

– Немного.

– Ну-ну.

– Белоснежка, Гном и Чудила, – пробормотал Сомов. – Вот компашка! Кто бы сказал – не поверил бы!

– Да не бурчи ты, как старый дед!

– Хочу и бурчу.

Молодые люди надели шлемы. Юля не удержалась и ущипнула его сразу за оба бока.

– Ай! – гневно вскрикнул Сомов.

– Домой, Гном! – скомандовала юная амазонка и тесно обхватила кавалера руками.

– Есть, Белоснежка! – откликнулся тот.

Мишка Сомов включил зажигание, круто поддал газу, «Ямаха» зарычала и мягко рванула с места.

Глава вторая

Эlegantный иностранец и легенда о Минотавре

1

Юля проснулась в восемь утра и решила не терять времени даром. Музей с провинциальными картинами, решила она, будет ближе к полудню. А пока что она сматается в архив, представится студенткой МГУ и корреспондентом газеты «АиФ» и попросит у архивариуса, какого-нибудь белого мотылька-очкарика, взглянуть на архив промышленника Мельникова. Кто ей откажет? Любой, кто посмотрит в ее веселые зеленые глаза, откроет перед ней двери и скажет: «Милости просим, дорогая Юлия Пчелкина! Переступите порог, окажите такую любезность!» Если, конечно, ей на пути встретится мужчина. Женщина, напротив, еще собак на нее спустит. После завтрака Юля предварительно позвонила в архив и узнала, что начальника хранилища зовут Тюрин Валерий Витальевич. Она даже выведала, что ему тридцать пять лет. Спросила: «Ой, это не тот самый Валерий Витальевич, который преподавал в университете, ему лет пятьдесят пять, да?» – «Вашему Валерию Витальевичу, девушка, может, и пятьдесят пять, – сказали ей в отделе кадров, – и даже шестьдесят, а нашему – тридцать пять. И в университете он не преподавал, а только в институте культуры».

– Тридцать пять – отлично! – положив трубку, бросила Юля и вытащила из шкафа добела вытертые джинсы, из старых, в которые с трудом влезала в прошлом году.

И теперь едва влезла – долго двигала бедрами! Зато как она в них смотрелась! Юля надела белую майку на голое тело и повернулась перед зеркалом. Подумала и сказала:

– Нет, это уже чересчур! Мне уже не семнадцать, – сняла майку, надела лифчик и вновь влезла в майку. – Степень эротичности остается высокой, – глядя на свое отражение, решила она, – но в пределах нормы. Облучение любопытным грозит минимальное. Живы будут. В данном случае – Валерий Витальевич Тюрин!

Резинкой забрала волосы хохолком на макушке и превратилась в озорную девчонку. Она уже предвкушала, как он, вдохновленный ее красотой и сексуальностью, раскладывает в хранилище перед юной гостьей старинные папки: «Берите, пользуйтесь, Юленька! Набирайтесь ума-разума...»

В коридоре Юля обулась в кроссовки, перебросила белую кожаную сумку через плечо и, крикнув бабушке: «Я ушла!» – вылетела из дома.

Губернскому архиву принадлежал старинный белокаменный особняк в центре города в пятнадцати минутах ходьбы от Юлиного дома.

Как же отрадно было идти по утренним улицам! Солнышко вставало над городом, иногда тянуло речной прохладой. За ближайшими кварталами поднималась синяя дымка. Там, под городскими холмами, протекала близкая Волга.

Очень скоро Юля впорхнула в здание архива легким ветерком и сразу подлетела к вертушке.

– Здравствуйте, я корреспондент «Аргументов и фактов», Москва. – Она положила документы перед серьезным вахтером. Корки внештатника ей достались за несколько статей исторического характера год назад. – Как мне поговорить с Валерием Витальевичем Тюриным?

– Он отъехал, девушка, – сказал вахтер. – А вы с ним заранее договаривались?

– Нет, – покачала головой Юля.

– Ну так что вы хотите? Если нужно – ждите.

Юлю постигло легкое разочарование – она ждала скорых жарких объятий, в которые заключит ее архивариус, а вместо этого получила ожидание у парадного подъезда. Жаль! Юля вздохнула:

– А когда он будет?

– Сказал, через часок, так всякое может быть. Будете на очереди.

– Какой еще очереди?

– Вон, мужчина, тоже к нему, – охранник кивнул на небольшой зальчик за спиной Юли. – Посидите, если время есть.

Она взглянула на часы – девять тридцать. Полтора часа у нее еще было. Она легко повернулась на носочках и сразу увидела в глубине зальчика ряд кресел. В одном из них, перебросив ногу на ногу, сидел в белом летнем костюме тот самый мужчина. Светловолосый, светлоглазый (как она успела заметить, подходя ближе), улыбочивый, в «профессорских» очках, холеный до невозможности. Лет сорока. Юля села в кресло (через два от мужчины) и секунд через десять, а то и меньше, ее коснулось облако дорогого мужского парфюма. Горьковатый приятный вкус! Краем глаза она видела его белые дорогие башмаки с острыми носами. Один башмак, правый, плавно покачивался...

Она думала о мужчине, а мужчина думал о ней – она это знала точно. Так что же она думала помимо того, что этот зрелый мужчина очень привлекателен? Она думала, что если он пройдет первым, то она вряд ли успеет к архивариусу. Вряд ли этот денди – друг детства Тюрина и зашел провести его и спросить о детях. И на чиновника он был не похож! Тут что-то другое, связанное именно с архивным делом. А значит, надолго. Вот бы отодвинуть этого холеного господина и самой занять его место. Юля вздохнула: попросить? Сказаться сироткой? Она это умела. Она вздохнула еще раз.

– Простите, мадмуазель, – мужчина заговорил первым странным воркующим голосом, точно он был чистым белым голубем и сейчас топтался на ее подоконнике.

Она сразу обернулась к нему и наконец-то смогла разглядеть его лицо – открытое, слегка загорелое и очень привлекательное.

– Да?

– Я услышал, что вы тоже к Валерию Витальевичу Тюрину?

– Ага, – очень просто кивнула Юля. – Но у меня со временем беда.

Она даже головой покачала для убедительности. И только теперь разглядела его глаза – очень светлые, с насмешливыми искрами. Но смотрел он отчасти снисходительно – с высоты зрелого возраста и, видимо, общественного положения.

– Вы корреспондент какой-то газеты? – спросил он.

– «Аргументов и фактов».

– А это, простите, что за газета?

«Он иностранец!» – поняла она. Какой нормальный русский не знает «АиФа»? И вот откуда его воркующий драматический баритон...

– Самая известная новостная газета России. Я из Москвы, вот в чем все дело. У меня поезд скоро. Может, пропустите меня вперед? – прямо спросила она.

И подумала: любая нормальная девушка назвала бы меня дурой, причем набитой. Встретила умного иностранца, красавца в расцвете лет, чего-то позабывшего в архиве. Это как золотую монету найти в песке! А ведь он положил на меня глаз! Сразу видно. Может, он миллионер? Может, приехал узнать о своих дальних родственниках, когда-то живших в Вольжанске? Интересно, как его зовут?

– Артур Миллер, – словно читая ее мысли, представился он.

– Артур Миллер?! – она сделала большие глаза. – Вас зовут как драматурга, мужа Мэрилин Монро? – она не смогла скрыть улыбки восторга.

Иностранец рассмеялся, показав прекрасные белые зубы:

– Драматург – Артур Ашер Миллер, а я – Артур Джон Миллер. Мы однофамильцы. А вы интеллектуалка.

– Стараюсь, – кивнула девушка. – А меня зовут Юля Пчелкина. – А откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– Мои предки эмигрировали из России во время революции, но культура русского языка всегда присутствовала у нас дома. И в девяностые годы я приезжал с отцом в Россию. Мы жили тут несколько лет, он работал инженером на одном из вольжанских заводов.

– Как интересно, – заметила Юля. – И сколько вам тогда было лет?

– Сейчас мне сорок, тогда было около двадцати.

– А что делали вы, пока ваш отец работал?

– Я учил историю, потом возвращался в Бельгию и сдавал ее в университете.

– Так вы историк?

– Я – историк, – кивнул иностранец.

Юля подняла брови:

– И здесь вы по вопросу?...

– Истории, – кивнул он.

– Ага, – кивнула в ответ и Юля.

Артур Джон Миллер улыбнулся голливудской улыбкой:

– Наши предки жили в Вольжанске еще в девятнадцатом веке. Поэтому я в архиве. Ищу своих пращуров – их пути-дорожки. А уважаемый меcье Тюрин помогает мне.

Юля про себя улыбнулась: она угадала!

– Это долгая работа?

– Очень долгая! Я приехал на месяц, а то и подольше. Выстраиваю свою родословную.

– Благородное дело. У меня к вам просьба, Артур. Мне можно вас называть так?

– Конечно, – кивнул он. – Даже нужно, Юлия. В России любят отчества, за границей – нет. Там все проще.

– Отлично. Милый Артур, пропустите меня первой, а? Я так тороплюсь! Сделайте доброе дело, галантный жест, – она сделала умильную рожицу: – Пожа-а-а-алуйста!

Кажется, он раздумывал. Облако его дорогого парфюма с горьковатым привкусом уже обволокло ее окончательно, давно проглотив облачко французских духов, подаренных любимым папочкой ко дню рождения. Иностранец поймал ее вопрошающий взгляд и сказал:

– Но только с одним условием.

Юля про себя улыбнулась: «Пригласит меня на ужин! И я соглашусь, кстати. Почему бы и нет? Он такой очаровашка!...»

– Хорошо, – кивнула она. – Я согласна.

– Расскажите, какое у вас дело к архивариусу Тюрину? Что заинтересовало московскую новостную газету в городе Вольжанске?

«Вот тебе раз! – подумала Юля. – Номер! Как-то это не романтично. С другой стороны, если у этого франта есть жена или любовница, и он приехал сюда не один...» Впрочем, ей было плевать, главное, чтобы ее пропустили вперед.

– Конечно, я расскажу, – кивнула она. – Это очень интересно, Артур! У нас за городом, в смысле, в Вольжанске, есть развалины кирпичного завода, который когда-то принадлежал промышленнику Мельникову. Знаете об этом?

– Знаю, – кивнул он. – Я был там на экскурсии еще давно, юношей.

– Ну вот! Вокруг этого завода ходит много легенд, но одна из них – особенная! Что на этих развалинах живет чудовище с рогами, представляете? И что иногда оно выходит на поверхность ночью. И недавно случилась трагедия. Двое ребят поспорили, что проведут ночь на руинах. Как раз на тех этажах, где видели чудовище. И в эту ночь оно вышло и напало на двух молодых людей, и один из них погиб, кстати.

Иностранец слушал ее недоумевая.

– И вот об этом пишет ваша газета? Ваша «АиФ»?

– Да, – кивнула Юля. – Это же новостная газета! Вот если бы двое молодых людей разбились на мотоцикле, это бы никому интересно не было, а тут – чудовище на развалинах. Это очень интересно!

Артур Миллер покачал головой:

– Сомнительная новость, на мой взгляд. Но читателям виднее. Но зачем вам архивариус Тюрин?

– Как это зачем? Я бы хотела побольше узнать о заводе, да и о самом Мельникове. Я слышала, что существует какой-то архив. Вот за этим я и пришла. Разузнать!

Кажется, иностранец серьезно задумался над ее словами.

– Ясно, – кивнул он. – Я пропущу вас вперед, как и обещал. Ваш рассказ – мой галантный жест. Кстати, вон идет месье Тюрин, – он кивнул на стеклянные двери. – Легок на помине! Так, кажется, вы говорите?

– Именно так!

Через двери как раз проходил сухарь в очках, в дохленьком костюмчике: как раз именно такой, каким его и представляла себе Юля. Бледная немощь с легким раздражением на лице и с папкой в руке. И правда, отчего ему было радоваться, работая в пыльном архиве, перекладывая с места на место папки и сажая зрение за грошовую зарплату перед стареньким монитором, которому место в музее?

Иностранец встал, легко поднялась с кресла и Юля.

– Здравствуйте, Валерий Витальевич, – громко сказал Артур и протянул руку.

– Здравствуйте, господин Миллер, – кивнул Тюрин и уставился на очаровательную девушку. – Здравствуйте, – второе приветствие, с поклоном, было адресовано красотке.

Обладательница подозрительно веселых лисьих глаз и золотого хохолка на макушке просто светилась радушием! Но во взгляде господина Тюрина и в помине не было того восхищения и обожания, которое она предвкушала, когда вертелась перед зеркалом дома. И никаких тебе: «Прошу вас, да будьте так любезны, мы все у ваших ног!...» Напротив, бледно-желтоватый лицом, худой и остроносый, господин Тюрин словно подозрительно спрашивал у иностранца: «Кто она такая, мистер Миллер? У вас появился хвост? С каких это пор? Мы так не договаривались!...»

– Это Юлия Пчелкина, – представил девушку Артур Миллер. – Она корреспондент из Москвы. Мы познакомились только что, – он тщательно объяснял обстоятельства их встречи, – и договорились, что она пройдет первая. Если вы не будете против, конечно.

– Я, конечно, не против, но что именно вам нужно, девушка?

– Ее интересует завод Мельникова и какой-то архив этой фамилии, – ответил за Юлю иностранец.

По лицу Тюрина, и без того недовольному, как будто пробежала легкая судорога. Он устремил требовательный взгляд на посетительницу:

– Кто вам сказал об этом архиве?

Юля пожала плечами:

– Историки. Вольжанские историки.

– Кто именно?

Юля забеспокоилась – допроса она никак не ожидала.

– Был краевед Сумятин, а еще Китовский...

– А, старые непоседы! – вскинул голову Тюрин.

Кажется, она попала в точку!

– А что, такого архива нет?

Артур Миллер взглянул на Тюрина, и в его глазах был тот же вопрос: «Так есть такой архив или его нет? Скажите милой девушке, месье Тюрин! Что вы ее томите? Посмотрите, какая она хорошенькая, и скажите нам правду!»

– Такой архив есть, девушка, но он не систематизирован и почти не изучен. Пока мы не проведем с ним эту работу, люди со стороны, вроде вас, увы, доступа к нему иметь не могут. Так что извините.

– А когда вы его систематизируете? – поинтересовалась Юля.

– Ну, в течение трех, может быть, пяти ближайших лет, мы проведем основную работу.

– Пяти лет?!

– Да, а как вы думали? – развел руками Тюрин. – У нас море другой, более важной работы! А тут семейный архив каких-то промышленников! Мало ли!

– И что, никак нельзя посмотреть сейчас? Хотя бы краешек этого архива? Краем глаза?

– Никак нельзя, – отрицательно покачал головой Тюрин.

– А если я обращусь к вашему директору? – набралась смелости и спросила зеленоглазая девушка.

– Он вас пришлет ко мне, а я вам повторю то же самое, ведь именно я отвечаю за все архивы. Вам ясно?

– Ну, в общем да, – кивнула Юля. – Я надеялась, что вы будете гостеприимнее.

– И что, никак нельзя помочь этой милой девушке? – заботливо спросил холеный иностранец. – И ничем?

– Никак и ничем. Я – чиновник, сухарь, – холодно улыбнулся Тюрин. – Но я хорошо знаю свою работу. Еще раз простите, – он вновь поклонился Юле, – и до свидания. Идемте, господин Миллер?

Артуру Миллеру, этому светловолосому красавцу в белом костюме, было искренне жаль, что девушку вот так отфутболили, но он приехал по своим делам, и они были в приоритете.

Поэтому он только пожал плечами и сказал:

– Очень жаль! Очень! – и когда Тюрин двинулся вперед, к вертушке, выудил из кармашка пиджака карточку и протянул ее девушке: – Если что-то понадобится – звоните, – доверительно сказал он. – Всего вам доброго, Юлия!

– Пока, – принимая визитку, вздохнула она.

А сама подумала: «Нет-нет, все так, как и предполагала!» Он решил пригласить ее, только таким вот образом... Хитрым! Элегантным. Мол, решай, Красная Шапочка, сама!.. «А Валерий Витальевич Тюрин – козел!» – уже выходя из архива на солнышко, справедливо решила Юля.

У нее был час свободного времени. Возвращаться домой не имело смысла, идти в музей было рано – и что бы она там делала, мозолила глаза персоналу? Юля позвонила Мишке и сказала: «Гном, я буду сидеть в кафе „Солнышко“. Присоединишься?» Конечно, он составит ей компанию!

Разве Гном хоть когда-нибудь ее бросал?

В кафе она заняла столик и вытащила визитку. *Артур Джон Миллер. Историк, коллекционер.* Европейский адрес, Брюссель и так далее, европейский номер. И номер российского сотового. Его ясные серые глаза, чуть блестящие, ироничная улыбка хорошо врезались в ее память. Да, и его парфюм! Особенно парфюм!

Минут через сорок к Юле присоединился Мишка.

– И куда ты ходила без меня? – спросил Сомов.

– Хотела взять штурмом архив.

– Раз без меня, значит, кого-то хотела соблазнить.

Юля не удержалась – прыснула прямо в вазочку с мороженым. Привлекла внимание других столиков, схватила за салфетку.

– Ты издеваешься, Гном?

– Угадал, да?

Его подруга отвела глаза:

– Ну хватит, что ли?

– Я очень серьезен, Белоснежка.

– Я просто хотела переговорить с одним дядечкой.

– Ну разумеется – не с тетечкой же. И как все прошло?

– Дядечка оказался порядочным свинтусом.

– А, не купился?!

– Не-а, – замотала головой Юля. – Я же говорю – свинтус. И вообще он вел себя подозрительно. Словно что-то скрывал. Ничего, – глотая ложку мороженого, кивнула Юля. – Мы пойдем другим путем! Я найду на него управу.

Но про элегантного иностранца и его визитку она не рассказала. Они доели мороженое и решили до музея идти пешком. Всё в том же старом городе, в центре. Прогуляются по теплому, яркому от солнца городу детства.

– Тебе рассказать о Минотавре? – по дороге спросила Юля.

– Валяй, – кивнул Сомов. – Но сюжет я знаю. Мутант, человек с головой быка, жил в Лабиринте, ему скармливали жертв. Он был очень злой и кровожадный, потом его убили.

– Не густо. Слушай. Царь Крита Минос боролся за власть и попросил Посейдона помочь ему в этом. Бог морей прислал Миносу прекрасного белого быка, которого Минос должен был публично принести в жертву. Но Миносу было жалко расставаться с белым быком, и он задумал подлог. Он принес в жертву обычного белого быка, а волшебного, из глубин морских, оставил себе. Но разве можно обманывать богов? Посейдон узнал о коварстве Миноса и наслал на него проклятие. Жена Миноса, царица Пасифая, вдруг вспыхнула к быку плотской страстью.

– К животному?

– Да.

– Дурдом.

Юля усмехнулась:

– Дурдом только начинается, Гном! Пасифая не могла думать ни о ком, только о белом быке Посейдона, она приходила к нему, раздевалась и ложилась рядом, желая отдаться прекрасному животному. Она всячески соблазняла его, потому что должна была утолить свою животную страсть, но бык не хотел ее! Он – бык, скотина, ему корову подавай, а Пасифая – женщина!

– Эти древние греки – маньяки.

– Еще какие маньяки, Гном!

Они счастливо вдыхали свежий утренний воздух, лишь слегка отравленный выхлопными газами.

– Слушай дальше, – продолжала Юля. – И тогда Пасифая решила перехитрить быка! У царя Миноса был гениальный архитектор – Дедал. Это он построил Миносу дворец и это он смастерит своему сыну Икару крылья, на которых потом тот поднимется к солнцу, а потом упадет и разобьется. И Дедал придумал, как быть царице. Как ей соблазнить белого быка!

– Как? – захлопал рыжими ресницами Мишка. – Это интересно! Гадко, но очень интересно.

– Ага! – усмехнулась девушка. – Дедал сконструировал из дерева корову, ну, с разными там секретами, сам понимаешь, ты уже взрослый. Корову покрасили в белый цвет, ее нельзя было отличить от настоящей. В эту форму и забралась Пасифая, легла и стала ждать! И вот, бык проснулся и увидел рядом с собой прекрасную белую корову...

– Развратница, – грозно перебил свою подругу Сомов. – Извращенка...

– Так хотели боги!

– Да к черту таких богов!

– Ты прям как священник первых веков рассуждаешь, – улынулась Юля. – Они очень не любили греческую мифологию.

– И правильно делали. Что дальше?

– А что дальше? – пожала плечами рассказчица. – Дальше бык совокупился с Пасифаей.

– Можно было предположить, – усмехнулся нравственный Сомов. – Только как? У него же... гм-гм... огромный, он же бык?

– А ей очень хотелось.

– Маньяки, говорю.

– От этого совокупления и родился наш мутант – получеловек, полубык. Минос, разумеется, возненавидел Минотавра, но он не мог приказать убить его, потому что боялся навлечь на себя еще больший гнев Посейдона! И вновь искуснику Дедалу пришлось постараться. По приказу царя он построил Лабиринт под дворцом, куда Минос и заточил грозного мутанта. Но мутант оказался непростым. Он не желал есть траву! Он даже не желал есть рыбу, или свинку, или коров. Он требовал человеческого мяса! И Минос обречен был давать ему то, что просил Минотавр. Вначале мутанту отдавали на съедение преступников. Но откуда их столько взять? Когда зверь был голоден, то начинал реветь, и эхо этого рева гуляло по дворцу. Но тут царь Минос устроил войну с Афинами и победил. И потребовал, чтобы афиняне раз в году отдавали ему самых прекрасных юношей и девушек. Их переправляли на Крит и скормливали Минотавру.

Мишке стало невыносимо грустно – древнегреческая история утратила и разозлила его. Чувство справедливости кипело в нем, ему хотелось помочь молодым афинянам. Юля решила, что пора приободрить друга.

– Не унывай, Гном! Тогда и появился Тесей, великий греческий герой, сын царя Эгея, он хитростью напросился взять его вместо одного из юношей на остров Крит. Там в него влюбилась Ариадна – дочь Миноса и Пасифаи, она и дала ему клубок ниток.

– Нить Ариадны!

– Точно! Дальше все известно: Тесей попал в Лабиринт, встретил Минотавра и в схватке заколол его кинжалом, который заблаговременно припрятал, а потом по ниточке вышел сам и вывел своих товарищей по несчастью на свет божий.

– И все-таки эти греки – больные люди, – покачал головой Мишка.

До музея оставалось полквартиры.

2

Без пяти одиннадцать они встали под раскидистым деревцем недалеко от входа. Сомов еще вечером позвонил своей тете, сказал, что заинтересовался изобразительным искусством, особенно запасниками музея, она ответила: «Приходи, Мишенька, я тебя и Юлю познакомлю с Борисом Борисовичем, он вам все расскажет и покажет». Теперь осталось дожидаться их чумового одноклассника.

– Вон, идет, – кивнул Мишка и взглянул на наручные часы. – Надо же, англичанин прямо. Без одной минуты!

По тротуару в их сторону неторопливо шагал Паша Киселев – на полголовы выше других прохожих.

– Гардеробчик поменял, – констатировал Мишка. – Интересно, сегодня на нем тапочки другие?

Паша и впрямь приоделся – в приличные джинсы, черную майку, правда, с диким рисунком, и кроссовки.

– Не задевай его, – попросила Юля. – Он ранимый.

– Он слишком длинный для меня, – горестно посетовал Мишка, когда рассеянный Киселев разглядел своих одноклассников под деревом и устремился к ним. – В мои планы не входит находиться рядом с ним чересчур долго. Понимаешь?

– Потерпи, Гном, – Юлия двинула его локотком в бок. – Это на денек, не более того.

Паша подошел, поймал взгляд Юли, сказал:

– Привет всем, – и первым протянул Сомову руку: – Здравствуй, Михаил.

– Здравствуй, Павел, – вытянулся тот и едва не встал на носочки. – Ты за ночь еще немного подрос, что ли?

– На два сантиметра, – ответил Киселев.

– У тебя, оказывается, есть зачатки чувства юмора, – заметил Сомов. – Беда!

– Привыкай.

– У тебя другой майки не нашлось? – разглядывая рисунок на худой груди одноклассника, спросил Мишка.

– А чем она тебе не нравится?

На черной майке Паши красовалась голова смерти из фильма ужасов «Крик».

– Да нет, миленько, – поморщившись, скромно заметила Юлия.

– Чудила, – беззаботно пожал плечами Мишка. – Что с него взять?

– Давайте о деле, – строго сказала Юлия. – Паша, ты нам вчера не сказал, что мы должны искать в этом музее. Говори теперь, – потребовала она.

Киселев решительно кивнул:

– Я должен был дома все уточнить, еще раз посмотреть на записи. Запасники нашего музея огромные. Там много всего – и ценного, и не очень. Художников у нас в Вольжанске еще до революции было полсотни. Две трети из них – любители. При советской власти все их работы отправили в подвалы. На поверхности осталось только самое лучшее. В первую очередь – передвижники, причем с мировыми именами. Но они нас не интересуют.

– А что нас интересует, Паша? – спросила Юлия.

– Мне старый краевед Китовский говорил, а ему – покойный краевед Сумятин, который еще в девятнадцатом веке родился и работал в нашем музее в двадцатых годах. Вот он и сказал, что помимо прочего в запасниках есть коллекция картин одного знаменитого вольжанского промышленника.

– И что это за коллекция? – спросил Сомов.

– А ты догадайся.

Юлия и Мишка переглянулись.

– Ты издеваешься? – не выдержал Сомов.

– Мельникова? – нахмурилась Юлия.

Глаза Паши оживились:

– Да!

– А-а, вот оно что, – понял суть дела Мишка Сомов. – Это интересно.

– Еще как интересно! – поддержал его Паша. – И что среди них есть очень необычные работы.

– Что значит необычные? – спросила Юлия.

Но Паша Киселев только пожал плечами:

– Точно не знаю. Не пейзажи, не портреты. Китовский называл их «Аттракционом ужасов».

– Это как так? – спросил Мишка.

– Говорю же: не знаю. Я их не видел. И не факт, что они остались! Но если нам разрешат порыться, то мы узнаем.

– Пошли уже, ребята, – кивнула Юлия. – Не терпится узнать! Кто перед дамой первым откроет дверь?

Первым дверь открыл Паша Киселев – метнулся сразу к парадному: руки у него оказались длиннее.

– Наш пострел везде успел, – входя за подругой, пробурчал Сомов. – Мне это не нравится. Они вошли под своды храма.

– Экскурсия? – спросил пожилой сторож, похожий на отставника, и уставился на майку Паши. – Какой институт?

Он стал листать здоровенную тетрадь посещений.

– Мы к тете пришли, – строго сказал Мишка. – К Зинаиде Ивановне Меньшовой.

– А-а, тогда другое дело, – расслабился вахтер. – Но я должен позвонить, – он набрал номер, сказал пару слов и кивнул ребятам: – Проходите. Вас ждут.

И вот уже завхоз музея торопилась к ним навстречу.

– Здравсьте, Зинаида Ивановна, – едва успела бросить Юля.

А та уже всплеснула руками:

– Юленька, какая же ты стала! Красавица! – ее глаза лукаво заблестели: – Мишка уже предложение тебе сделал? Или все стесняется?

Юля приторно улыбнулась:

– Стесняется!

Мишка вздохнул. Паша Киселев с неодобрением взглянул на «жениха».

– Да шучу я, шучу! – махнула рукой Зинаида Ивановна.

– А это наш одноклассник Паша, – представил Мишка спутника.

– Здравсьте.

– Очень приятно, – ответила Зинаида Ивановна. – А что же это у тебя на майке, Паша? – немного стесняясь, спросила она. – Страшное такое?

– Портрет его близкого родственника, – первым ответил Мишка. – Он ему очень дорог.

Юля засмеялась. Паша нахмурился.

– Это герой фильма «Крик».

– А-а, – кивнула Зинаида Ивановна, поймала взгляд племянника и красноречиво вскинула брови: мол, чудеса! – Ну, идемте ко мне. Я Куприянову позвоню, Борису Борисовичу, скажу, что вы пришли.

И трое ребят двинулись за тетей Мишки Сомова. В кабинете она набрала номер, сказала в трубку: «Борис Борисович, зайди ко мне, пожалуйста. Очень нужен». Тетя Зина тут работала всю жизнь, была отличной хозяйственницей, во время перестройки защищала музей от тотального разграбления, всех знала и со всеми была на «ты».

– Он строгий, но душевный, – сказала она о начальнике хранилища Куприянове. – И очень ответственный.

Через пять минут Борис Борисович Куприянов, худой седоволосый мужчина в роговых очках, с аккуратной седой бородкой через всю нижнюю часть лица, пожимал ребятам руки. Его взгляд то и дело останавливался на страшной маске, красовавшейся на худой Пашиной груди.

– Так какое у вас ко мне дело, молодые люди? – спросил он.

Юля поглядела на Мишку, тот – на Пашу, их долговязый друг – на Юлю. Все было решено.

– Я учусь в МГУ на историческом, работаю в «Аргументах и фактах», но родилась и выросла в Вольжанске, – призналась Юля. – Сейчас я пишу большую работу о провинциальных предпринимателях, их интересах, привычках, меценатстве, но сосредоточиться решила на промышленниках Мельниковых, а именно на Иване Ивановиче Мельникове, построившем кирпичный завод в пригороде Вольжанска.

– Знаем такого дельца, – кивнул Куприянов.

– Он специально построил свой завод на перепутье трех дорог, ведущих к трем городам: губернскому Вольжанску и уездным – Бирюкову и Зубову.

– И завод его знаем. Руины. А в свое время был гигантом промышленности! Хороший бы музей вышел под открытым небом, да растащили все наши землячки. В округе, по деревням, половина домов из красного кирпича Мельниковых.

– Верно. Так вот, – Юлия взглянула на Пашу, – я провела большую работу и узнала, что краевед Сумятин открыл краеведу Китовскому, – она многозначительно повторила за Пашей авторитетные фамилии, – тот факт, что в нашем музее, в запасниках, существует коллекция художественных полотен промышленника Ивана Ивановича Мельникова. Это правда?

– Чего в нашем музее только нету! – вскинул голову с кругом седой бородки Куприянов. – Сами порой удивляемся!

– Так что, Борис Борисович, есть такая коллекция? – напрямую спросила Зинаида Ивановна.

И все тотчас устались на хранителя запасников.

– Есть, – ответил работник музея. – Есть такая коллекция, но очень далеко спрятана! Мы ее уже лет тридцать не открывали. Да и тогда открыли, частично проглядели, я еще относительно молод был, и обратно спрятали.

– А почему их было не выставить? – спросил Мишка. – Картины Мельникова?

Куприянов усмехнулся:

– Выставить?! Эх вы, молодой человек! – его просто развеселила реплика рыжего паренька. – Думаете, это так просто? Можно проехать по мастерским художников, прикупить работ, а потом выставить их в галерее. Они новые, краской пахнут! А тут что? Они пролежали более ста лет, некоторые холсты треснули, порвались, краски поблекли. Чтобы такую выставку организовать, ее надо готовить год, а то и два! Реставраторы должны приводить холсты в порядок, уничтожать следы порчи. Понимаете? Это икону Андрея Рублева можно выставить в любом виде – всё равно шедевр! А мало ли какие картины собирали те или иные провинциальные коллекционеры, это же не мастера Возрождения. Не Леонардо, не Боттичелли, не Тициан. Как правило, овчинка выделки не стоит. А реставраторам зарплату надо платить. Другая работа остановится. Понимаете? Второстепенных полотен десятки тысяч в провинциальных музеях, и сотни тысяч, если не миллионы, в столичных! Вот и лежат эти холсты десятилетиями и ждут, когда в нашем царстве-государстве начнется достойное финансирование культуры. Только ждать этого, как прошлогоднего снега! – он поскреб аккуратную серебристую бородку, цепко державшую в полукруге нижнюю часть лица. – Может, у ваших внуков будет возможность все это восстановить.

– К тому времени нас завоюют инопланетяне, – изрек Мишка.

– Нет, – покачал головой Паша. – К тому времени нас завоюют зомби.

Сомов цокнул языком:

– Не исключено. Пари, Кисель?

– Я – Павел Александрович, – напомнил долговязый одноклассник.

Их диалог заставил искусствоведа Куприянова поморщиться:

– О чем вы, молодые люди?

– А вы нам покажете эти работы? – перебив всех, напрямую спросила Юлия.

Вопрос вернул хранителя к действительности.

– Вот, девушка! Чтобы показать вам эти работы, я должен потратить несколько часов своего времени, а то и дней, забросив другие дела, куда более важные для меня и музея. Понимаете?

– Ну покажи ты им эти картины, Борис Борисович, – попросила Зинаида Ивановна. – Видишь, молодые люди интересуются.

– Очень интересуемся, – подтвердила ее слова Юлия.

– Это и странно, – заметил Куприянов, – и похвально одновременно. Что ж, идемте. Убью на вас полдня, молодые люди.

– С нас коньяк, – когда они выходили из кабинета завхоза, тихонько сказала Юля.

– Да ладно уж, – отмахнулся Борис Борисович, но сделал это неуверенно, без души, что явно говорило: идея с коньяком не так уж и плоха. – Я только возьму ключи, – предупредил он и направился в свой кабинет.

– Не смог он тетке соврать, – усмехнулся Мишка, – мол, нет у нас таких картин! Потом попросил бы у нее холстов и подрамников, лаков и красок или чего еще, а она бы ему: нету, Борис Борисович! Иди ты лесом.

– Да, Зинаида Ивановна – молодчина, – согласилась Юля.

Куприянов очень скоро вышел с общей тетрадью под мышкой, закрыл кабинет и направился к молодым людям.

– Ну что, идемте искать ваши полотна?

Глава третья

Аттракцион ужасов

1

Несколько коридоров, один темнее другого, и они у цели. Куприянов загремел ключами. Дверь открывалась со скрипом. Воздух был спертым, приторно пахло краской и старьем. Запасники музея представляли собой заброшенный склад. Тысячи предметов искусства – живописи и скульптуры – громоздились тут на стеллажах и вдоль стен. Иные полотна были хорошо упакованы, другие просто укрыты холстами или клеенками. Под драпировками читались фигуры греческих богов. Проходы между стеллажами вели в разные концы обширного помещения.

– И таких залов у нас три штуки, – заметил Куприянов. – Этот – второй. Тут еще ничего себе так. Третий – просто свалка. Каждый год хотим устроить большую ревизию, да все руки никак не доходят. Нам бы за первым залом уследить, сохранить экспонаты, уже хорошо!

– А почему не выставить шедевры хотя бы из первого зала? – спросил наивный Мишка. – Если там все прилично?

– Потому что музей ограничен по объему, молодой человек. Представлены наиболее ценные экспонаты. Но иногда мы одно снимаем и выставляем запасники, – он заглянул в тетрадь. – Коллекция из дома купца Мельникова должна быть где-то здесь. Седьмой ряд, третий ярус.

– Они настолько второсортны, – разочарованно спросила Юля, – что вы от них попросту отказались?

– Они настолько убиты, если говорить современным языком, – пояснил Борис Борисович. – Вот он, седьмой ряд. Картины – не ветхое жилье, они подлежат восстановлению. В восемьдесят пятом году прибалтийский психопат сжег в Эрмитаже «Даная» Рембрандта серной кислотой – сжег процентов на девяносто. А теперь она висит на том же месте как новенькая. Правда, это уже не Рембрандт, а произведение лучших специалистов-реставраторов, но факт остается фактом. Картиной опять можно восхищаться! Но сколько было потрачено мастерства и времени на ее восстановление! Так это Рембрандт! Тут, в этом музее, таких картин – полуистлевших, выцветших, безымянных – тысячи, но кто ими будет заниматься?

– Нас интересуют картины не как произведения искусства, – вдруг заговорил до того молчавший долговязый парень в «страшной» майке. – Нас они интересуют как носители той или иной информации.

– А вы, простите, чем занимаетесь, – нахмурился Куприянов, – молодой человек в интересной майке? Я все хотел спросить, да как-то откладывал.

Юля опередила спутника:

– Это Павел Киселев – краевед, он лучший в городе специалист по Мельниковым. Да, Павел?

– Можно сказать и так, – кивнул долговязый.

– Похвально. Я бы хотел спросить о майке... Можно?

Как было отказать искусствоведу Куприянову?

– Спрашивайте, – разрешил Паша.

– Вы носите из чувства протеста? – поинтересовался искусствовед.

– Он ее носит из чувства солидарности со всеми серийными убийцами мира, – вновь за Пашу ответил Мишка.

– Заткнись, Сомов, – пробурчал Киселев.

– Мальчики, – предостерегла их Юля.

– Ну что ж, о вкусах не спорят, – пожал плечами Борис Борисович, так и не дождавшись ответа от Паши. Зачем тогда вся эта мизансцена? – Вот мы и пришли. Дальше тупик, – он оглядел стеллажи. – Кажется, здесь этот самый третий ярус.

– Кажется или здесь? – переспросил Мишка.

– Не придирайтесь к словам, молодой человек. Теперь надо забираться вглубь. Вы готовы, конкистадоры?

– Всегда готовы, – кивнул Мишка. – А вы сами туда полезете?

– Я?! Сейчас! – рассмеялся Куприянов. – Мне делать больше нечего? Туда полезете вы. Причем, я думаю, именно *вы*, – кивнул он на Мишку. – Вы самый миниатюрный в вашей компании. Не каланчу же вашего туда посылать, – он смерил взглядом Киселева. – В интересной майке.

– А у каланчи руки длиннее, – заметил Мишка.

– Тут одних рук мало будет – тут ползком придется. И тем более не даму же мы заставим пыль глотать, – добавил искусствовед.

– Она еще юрче меня! – Сомову не хотелось бороздить запущенные просторы провинциальных запасников.

Паша злорадно посмеивался.

– Вон ту лесенку только надо взять, – посоветовал Куприянов.

Она как раз стояла сложенной «в тупике» у стены.

– Давай, конкистадор, – хлопнула по плечу рыжего друга Юля. – Покажи класс! Во имя искусства, которое ты так любишь!

Сомов уничтожающе взглянул на девушку и спросил у Куприянова:

– И куда мне продвигаться, Борис Борисович? В каком направлении?

– Думаю, вначале налево, потом, если не выйдет, направо и только потом прямо.

– Я даже лестницу ради такого дела принесу, – сказал Паша и пошел за лестницей.

– Чуть не забыл, вот вам волшебный фонарик. – Куприянов вытащил из кармана самый обыкновенный фонарь.

– А почему он волшебный? – спросил Мишка.

Паша принес, разложил и поставил перед Сомовым крепко сбитую деревянную лестницу.

– А вот когда окажетесь там, наверху, в темноте, тогда и поймете, почему он волшебный, – весело ответил искусствовед. – Смотрите на бирки по краям упакованных картин.

Мишка взглянул на Юлю, та вздохнула и развела руками: куда деваться? Судьба! И ее рыжий друг полез на верхние стеллажи – скоро луч фонаря забегал по упакованным полотнам.

– А пыли тут! – жалостливо пропел Сомов.

– Терпи, Мишка, ради искусства стараешься, – ободрила друга Юля.

– И ради истории! – добавил Паша.

– Ну смотри, Киселев, если твои старые краеведы ошиблись, если все это выдумки старых маразматиков, я тебе это до смерти не прощу!

– Будем надеяться на лучшее, – резонно заметил Паша.

– А что вы, собственно, ищете? – спросил Куприянов. – Зачем вам эти древние работы?

– Скоро мы все узнаем вместе с вами, – ответил Киселев. – Потерпите.

– Как скажете, – заинтригованно пожал плечами искусствовед с аккуратной бородкой.

Оказавшись наверху, почти скрывшись из глаз, Мишка придушенно засопел, потом стал ругаться – грязно, по-взрослому, но очень тихо, чтобы не слышали Юля и Куприянов. Но кое-что до них долетало, и Юля морщилась.

– Главное, чтобы он там не пропал, – заметил искусствовед.

– В смысле? – поинтересовалась Юля.

– Не попал в другое измерение.

– Это вы так шутите?

– Все может быть, – весело кивнул Куприянов. – Музей-то старинный. Мы таким образом уже трех младших научных сотрудников лишили. В газетах не читали?

– Шуточки у вас, – кивнула Юля.

– Смешно, – честно признался Паша.

– Не пропаду – не дожdetесь! – подал сверху голос Мишка Сомов.

Он уже совсем пропал из виду. Внизу было такое ощущение, что на верхних ярусах завелся крупный зверь, и теперь он ползает и шуршит всем, что ему попадает под лапы.

– Вот они! – еще минут через пять крикнул Сомов. – Нашел! Холсты из коллекции купца Мельникова. Да тут их несколько упаковок!

– Тащи сюда! – разом оживившись, крикнул Паша и сам полез наверх. – Подавай мне!

Общее дело неожиданно сплотило соперников, и скоро Паша Киселев уже перехватывал и спускал вниз одну упаковку картин за другой.

– Только они мягкие, – заметил он.

– Это понятно, – ответил Куприянов. – Их сняли с подрамников, чтобы они места занимали меньше. Все равно они большей частью изодраны, насколько я помню, их надо реанимировать полностью.

В ближайшие десять минут Паша Киселев стащил вниз четыре картонных ящика с полотнами. Они были запыленными, самого что ни на есть чердачно-подвального вида.

Куприянов брезгливо потрогал пыльные ящики.

– Ну что, посмотрим, посмотрим, – сказал он. – Несите их на свет, там, где у нас стол. Вам потом их еще обратно укладывать.

– Что?! – сверху высунулась голова Мишки Сомова. В глазах его кипели отчаяние и гнев. – И опять мне?!

– Мишка, я тебя поцелую за это нежно, – тут же пообещала Юля. – Честно-честно!

– Я их сам обратно уложу! – вдруг сказал Паша.

– Ну уж нет, – оборвал его Сомов. – Ишь, раздухарился.

– О, женщины, – усмехнулся Куприянов. – Что они только с нами ни делают! Берите упаковки, рыцари ее круглого стола, и за мной.

Когда полотна в четырех картонных ящиках были принесены на светлое просторное место и составлены у стола, искусствовед заметил:

– А что вы думаете, молодые люди, сколько великих полотен и других произведений искусства было найдено за историю человечества на чердаках и в подвалах! Вытащено на свет божий, приведено в порядок и выставлено на всеобщее обозрение!

– Правда? – спросил Мишка, грязный с ног до головы.

– Разумеется, – кивнул Куприянов. – Несколько лет назад на чердаке частного дома на юго-западе Франции было найдено полотно, и, как вы думаете, чьей кисти оно принадлежало?

– Просветите, – кивнула Юля.

– Кисти Караваджо! «Юдифь и Олоферн». Конец шестнадцатого века. Полотно пропало во время Наполеоновских войн. А знаете, какая стоимость этого полотна?

– Какая? – спросил Мишка.

– А-а! Большая, молодые люди! Сто двадцать миллионов евро.

– Ух ты! – не удержалась от восклицания Юля.

– Быть такого не может, – замотал головой чумазый Сомов.

Сумма превосходила все его самые грандиозные ожидания.

– Еще как может! – усмехнулся Куприянов. – Все доказано, молодые люди.

– Может, мы откроем первую коробку? – предложил Паша. – Только тряпочку бы вначале, обтереть чехлы.

– Сейчас оботрем и откроем, – кивнул Куприянов. – А четыре года назад в подвале частного французского дома нашлась картина Ван Гога «Закат в Монмажуре». Стоимость – сорок миллионов евро.

– Вот это подарок к Новому году, – вдохновенно выдохнул Мишка.

– А семь лет назад на чердаке коттеджа в Беллпорте, в штате Нью-Йорк, нашли обширнейшую коллекцию картин Артура Пинаджана, – искусствовед кивнул на упакованные холсты, – общая стоимость коллекции – тридцать миллионов долларов! И таких случаев – десятки и даже сотни!

– А если мы сейчас найдем что-нибудь великое, в этих чехлах, нам что-нибудь достанется? – спросил Сомов. – Хотя бы процентов десять от общей стоимости? За инициативу?

– Директор музея господин Рябчиков вам грамоту вручит, молодые люди. На это вы можете точно рассчитывать! А теперь я вам дам тряпки, покажу, где набрать воды, вы оботрете эти чехлы, а потом уже мы будем открывать миру великие шедевры! Идемте за мной, конкистадоры!

Очень скоро предварительная работа была сделана, ящики с картинами очищены, и Куприянов взялся распаковывать их. Мишка тоже хотел почиститься, но искусствовед остановил его:

– Вы забыли?

– О чем? – спросил Сомов.

– Что вам еще обратно лезть, молодой человек? В ту же самую черную дыру?

– А-а, точно! Поцелуй! – кивнул Мишка.

И подмигнул Юле. Та пожала плечами, что означало: если я обещала – жди!

Все четыре картонных ящика были пронумерованы. Борис Борисович вскрыл первый ящик. Холсты были проложены специальной пергаментной бумагой. И вот один за другим Куприянов стал доставать полотна на свет божий и передавать молодым людям, а они уже разворачивали их и укладывали на застеленный пол. Холсты и впрямь были помяты, где-то порваны. И все, как один, поблекли. То, что увидели старатели, разочаровало их: шли бесконечной чередой пейзажи. Леса да перелески, тропинки да полянки, озерца да Волга-матушка, дороги до горизонта через рыжую степь или золотое пшеничное поле. Причем все было написано скорее рукой самодеятельных живописцев, чем истинных профессионалов.

– Да-с, – почесал седую бородку Куприянов. – Это вам точно не Левитан! Даже не Шишкин! Кто такое возьмется реставрировать? Так и пролежит еще век...

Затем вскрыли второй картонный ящик. Тут уже пошла жанровая живопись: поля и косцы, иногда появлялись кони, написанные довольно примитивно и неумело, дворовые за работой.

– Тоска, – вздохнул Куприянов.

Вскрыли третий ящик. И тут случилось оживление. Портреты!

– Недурно написано, очень недурно, – вдруг заговорил искусствовед. А вот, кажется, и сам Мельников! Во фраке, надо же! А вот и его жена с детьми, так-так! Кстати, надо почаще заглядывать в запасники!

А портреты все шли чередой. Представители сословия русских капиталистов второй половины девятнадцатого века. Было ясно, что все эти люди – близкие родственники промышленника Мельникова. Несколько раз возникало лицо самого Ивана Мельникова, например, сидящего на диване с сыном или в кресле перед зеркалом. Некоторые картины были откровенно изодраны.

– А что это за дырки в них, Борис Борисович? – спросил Мишка.

– Не догадываетесь? – усмехнулся искусствовед.

Сомов замотал головой. Юля пожала плечами. Паша только нахмурился.

– А вы присмотритесь к этим дыркам, – усмехнулся Куприянов. – Тут не камешки в них бросали. Форма-то какая! Это пролетарским штыком поработали! А где-то и «товарищем маузером»!

– Да ну? – удивился Сомов.

– Ага, – кивнул Куприянов. – Это они классовых врагов так попотчевали! Судя по легенде, семью купца Мельникова красноармейцы именно так и перебили – штыками. Что скажете, молодой человек в роскошной майке, специалист по вышеозначенным историческим персонажам?

– Да, я читал об этом в библиотеке. Но это его наследников перебили. Сам Мельников умер задолго до революции.

– Именно так, – кивнул искусствовед. – Кстати, вы увидели то, ради чего сюда пришли? Ради чего ваш коллега весь покрылся вековой пылью?

Юля и Мишка одновременно взглянули на Пашу, особенно требовательно смотрел «покрытый вековой пылью» Сомов, но их товарищ лишь отрицательно замотал головой:

– Пока нет.

– Ну что ж, тогда распакуем четвертый ящик, – предложил искусствовед Куприянов. – Готовы?

– Ждем с нетерпением, – корректно поторопил его Паша, который был недоволен чересчур разговорчивым куратором.

Куприянов аккуратно, как и прежние три картонных ящика, распаковал четвертый и полез за первым полотном.

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотал он, – что тут у нас?...

Он положил укрытое полотно на пол и потянул на себя край оберточной бумаги...

– Ничего себе, – пробормотал Мишка.

– Лабиринт! – воскликнула Юля.

– Вот оно, – одновременно с ними горячо прошептал Паша, разглядывая сильно потертый холст. – Наше сокровище! Вот оно...

Удивление трех мужчин и девушки было велико. Им открылось поразительное зрелище! Не портрет и не пейзаж, никаких стогов сена или крестьян, или солидных промышленников, дородных купцов и купчих, или пасущегося скота. Это действительно был лабиринт! Но какой?! Настоящий! Замысловатый лабиринт, сложенный из красного кирпича, чьи коридоры были спутаны самым хитрым образом. Эти коридоры обрывались тупиками, и в некоторых тупиках можно было увидеть человеческие кости! Желтые, высушенные временем. Черепа, кости таза, ребра, позвонки, скрюченные костяшки пальцев...

– Хороша картинка, – наконец-то вырвалось у искусствоведа Куприянова. От его ернического тона не осталось и следа. Борис Борисович разом переменялся: – И как этот шедевр ушел от нашего внимания? От моего внимания? – он даже обернулся к ребятам. – Почему?!

– Может, у вас в тот день выходной был? – предположил Сомов.

– Возможно, – кивнул искусствовед.

– А что вот тут? – пальцем указала Юля на что-то черное и взъерошенное, спрятанное в одном из коридоров лабиринта, похожее на горб.

Паша усмехнулся.

– Что? – спросила Юля.

– Да так, ничего, – ответил Киселев.

– Твоя версия?

– Это он. Прячется. Ждет!

– Да ладно?!

– Кто прячется и ждет? – спросил Мишка.

Но Паша не успел поделиться своей версией.

– Смотрим дальше, – предложил искусствовед Куприянов.

Он достал второе полотно и развернул его – и тотчас напряжение охватило четырех зрителей. На первом полотне была панорама лабиринта, тут же внимание сфокусировалось на отдельном коридоре. И на тех, кто попал сюда. На четырех несчастных молодых людях – двух юношах и двух девушках. В греческих туниках! За ними только что опустилась каменная стена. Двери! Они были напуганы, цеплялись друг за друга и оглядывались по сторонам.

– Они как будто слышат что-то, – проговорил Паша.

– Брр, – поежилась Юля. – Не пугай меня.

– Я правду говорю. Посмотри на их глаза. Они ждут!

– Согласен, – с трудом проглотил слюну Мишка.

– И я того же мнения, – добавил Куприянов и вцепился в седую бородку. – Слышат и ждут! Дальше!

Он извлек из картонного ящика еще одно полотно и освободил его от оберточной бумаги. И все тотчас оцепенели! Все четверо увидели страшные глаза во весь холст. То ли человека, то ли зверя. Огненные глаза! Они смотрели на зрителя, пожирая его яростным жалящим взглядом. Алчным. Уничтожающим. Взглядом убийцы.

– А художник-то – человек с фантазией, – проговорил Куприянов.

– Да он больной на всю голову, – прошептал Сомов.

– Возможно, – согласился искусствовед. – Или же он истинный философ.

– И что же мы увидим дальше? – произнесла Юля. – Борис Борисович?!

– Дальше, коллеги! – с энтузиазмом воскликнул Куприянов.

Они затихли...

– Я мог догадаться, – когда им открылось четвертое полотно, сказал Паша Киселев. – Я ждал именно этого. Даю слово!

Перспектива одного из коридоров лабиринта! Четверо молодых людей – в конце коридора – прижались друг к другу. А в их сторону, с переднего плана, по камням лабиринта падала тень. Плечистая, рогатая тень! Их нашли!

– Может, хватит? – предложил Сомов. – Упакуем обратно, сделаем вид, что ничего не видели, забудем обо всем. А? Что скажете?

– Поздно, – сказал Куприянов и полез в коробку за новым холстом.

И вновь панорама! Вид сверху! Четверо молодых людей в туниках, забыв друг о друге, опрометью бегут кто куда. Куприянов достал шестой холст, за ним седьмой. Десятый! Каждому из четырех несчастных молодых людей, уже навсегда попрощавшихся друг с другом, выпала своя судьба в этом лабиринте. Короткая! Страшная. Напуганные до смерти, они искали спасения! Но тщетно! Вот девушка оцепенела от ужаса, а из-за поворота на нее надвигалась все та же устрашающая черная тень – плечистая и рогатая! Вот молодой человек корчился на каменном полу – кто-то утягивал его за кирпичную стену, и кровавый след тянулся в ту сторону. Руки еще одной девушки, оказавшейся в тупике, были протянуты вверх – к зрителю! Но никто не мог ей помочь. Ее уже накрывала все та же тень. Четвертый молодой человек забился в угол и смотрел на зрителя. Но совершенно иначе! Потому что этим зрителем был хозяин Лабиринта!

Наконец осталось одно полотно. С величайшим трепетом Борис Борисович развернул его. Так и должно все было закончиться. В центральной зале Лабиринта сидело на камнях рогатое чудовище – гигантское атлетическое существо с телом человека и бычьей головой, и пожирало плоть своей жертвы, разорванной напополам. Этих жертв было несколько, и в каждой, изуродованной, можно было узнать одного из четырех молодых людей. Все тот же взгляд: яростный, жалящий! Алчный взгляд убийцы. Минотавр смотрел на зрителя и художника и словно говорил: однажды и ты можешь попасть сюда!

Ко мне! В мой Лабиринт!

– Да уж, – произнес искусствовед Куприянов. – Я получил большое эстетическое наслаждение!

– И я, – вторила Юля. – Только я теперь неделю спать не буду.

– Ну, это само собой, – согласился Куприянов. Он развел руками: – Но как мы такое могли упустить? Не понимаю!

– Зря мы открыли этот ящик, – заключил Мишка. – Ой, зря.

– А что скажете вы, молодой человек в чудесной майке? – спросил искусствовед у Паши Киселева. – Вам это должно быть близко.

– Вот почему краевед Китовский называл эти картины «Аттракционом ужасов», – выговорил Паша.

– «Аттракционом ужасов»? – переспросил Куприянов. – Метко.

– Скажу, что эта коллекция просто бесценна, – выразил общее мнение Паша.

– Я вас разочарую, – поморщился искусствовед. – Рука художника не слишком искусна, скорее, даже примитивна. Работал явно художник-любитель. Но его фантазии может позавидовать любой академист! Это правда. Есть и другая беда – холсты выцвели и местами порваны.

– Я говорю об информационном содержании, – поправил его Паша.

– А-а, тут спору нет! – согласился Куприянов. – Хоть святых выноси, такая жуть. Мифы Древней Греции, понимаешь. Ну так что, ребятки, вы довольны своим визитом?

– Еще как, Борис Борисович, – первой ответила Юля. – Но кто он, этот загадочный художник? Где авторская подпись?

Они стали искать автограф, но подписи в нижнем правом углу полотен не было. И в левом тоже. Не было подписи и наверху. Впрочем, какой сумасшедший станет подписывать свои работы сверху? А вот спрятать ее в картине, так поступали художники, и не раз, автор еще как мог.

– Вот она! – первым нашел ответ Паша, ткнув длинным пальцем в холст. – Смотрите, в кирпичках!

И действительно, подпись была, но всякий раз она таилась в разных местах – в кирпичках лабиринта! Точно была выцарапана на них. Три буквы: «Р.О.К.».

– «Р.О.К.», – прошептала Юля. – Как красноречиво. Это похоже на псевдоним. А, Борис Борисович? Вы у нас – искусствовед, специалист по автографам художников. Что скажете?

– Соглашусь с вами, Юленька, – кивнул Куприянов. – Подобрано словно нарочно. Ведь вся античная трагедия – это один сплошной рок. Один безысходный ужас. От которого не уйти никому! Но кто такой этот «Р.О.К.»? В Вольжанске таких художников не было, я всех наших наперечет знаю. Это действительно похоже на псевдоним. Или кто-то выдавал себя за этого художника? Но манеру, чуть примитивистскую, я тоже не узнаю.

– И как нам быть? – спросила Юля.

– Я знаю, как нам быть. Надо сделать звонок.

– И кому?

– Терпение, милая дама, – улыбнулся Куприянов. – Сейчас вы все узнаете, – он достал из кармана сотовый и стал искать в записной книжке номер. Потом нажал на кнопку вызова, подождал. – Алло, Розана Викторовна, это Куприянов, да, не зайдете ко мне? А вот я вас сейчас и удивлю. Тут у меня молодежь собралась, просили показать кое-что из запасников, а нашли целую новую коллекцию. Да только художник неизвестен. Нет, не вольжанский. Чужой. Картинам более ста лет. Из архива Мельникова. Вся надежда на вас. Ждем! – Он дал отбой. – Это наш старейший искусствовед! Розана Викторовна Шульц. Специалист по Репину. Она у нас на полставки работает. Ей уже восемьдесят. Но боевая старуха! Давайте разложим пока работы этого РОКа!

Едва они закончили, как вдалеке за стеллажами открылась дверь и слышались шаги. К ним действительно вышла боевая старуха: худая, морщинистая, в брючном костюме, с корот-

кой стрижкой покрашенных в рыжий цвет редких волос. Экстравагантный персонаж! С отрицательным взглядом. Молодые люди поздоровались, боевая старуха ответила кивком.

– Взгляните, Розана Викторовна, на это чудо, – кивнул искусствовед Куприянов на холсты.

– Мать моя женщина! – вырвалось у боевой старухи. – Мистификасьон! Илья Ефимович бы не одобрил. Они нашли? – кивнула она на ребят.

– Они.

– Молодцы! – похвалила старуха. – Лабиринт Минотавра. Я им за это мороженое куплю. Недорогое. Молочное.

– Мороженое мы сами купим, вы нам лучше скажите, кто этот художник – таинственный Р.О.К.?

Розана Викторовна сцепила руки на тощей груди.

– Р.О.К. Да уж. Загадка. В Вольжанске таких нет.

– Нет, – отрицательно покачал головой Куприянов.

– Значит, девятнадцатый век? – процедила она.

– Он самый, – кивнул Борис Борисович.

– В Саратове таких художников тоже нет, – продолжала рассуждать Розана Викторовна. – И в Ульяновске. Я и там и там работала. Где же его этот Мельников откопал? Р.О.К. Стоп-стоп-стоп...

Ребята и Куприянов внимательно уставились на боевую старуху. В ее блеклых от глубокой старости глазах появился живой блеск.

– Стоп-стоп-стоп, – повторила она. – Идемте.

– Куда, Розана Викторовна? – спросил Куприянов.

– Шагай, Боря.

– Дорогу переходить будем? – поморщился он, когда они покидали отдел запасников.

– Пару-тройку коридоров.

– Мне кажется, она знает, что делает, – тихонько предположила Юля.

– Точно, девочка! – не оборачиваясь, бросила искусствовед Шульц.

– Вот это слух, – прошипел Мишка.

– Не все старухи глухие, молодой человек, – отреагировала Розана Викторовна. – Мне повезло!

Они прошлись по музею и в одном из коридоров, на отшибе, остановились у пейзажа с коровами. Розана Викторовна кивнула на картину.

– Ну, Боря, видишь?

Куприянов прищурился и потянулся к холсту.

– Постойте, постойте...

– Стоим, – откликнулась боевая старуха. – Посмотри на мазок, на светотень, на примитивистский взгляд на предмет. Как у Руссо. На этих коров. Видишь?

– Ведь это Рокотов из Бирюкова. Верно?

– Верно, Боря, верно. Рокотов Одиссей Карпович.

Куприянов шлепнул себя по лбу:

– Основатель Бирюковской живописной школы! Странный тип. Как же я сразу не догадался...

– То-то и оно. Молод ты еще, Боря! – усмехнулась она.

– Это он, Р.О.К., – взглянув на молодых людей, заметил Куприянов. – Известный художник, пейзажист, портретист.

– А почему странный? – спросила Юля.

– Потому, что такие вот коленца выкидывал, как этот ваш Лабиринт Минотавра, – ответила за Куприянова старуха. – Босху пытался подражать. Ужасы всякие рисовал. Короче, чудака-человек!

– А как сложилась его судьба, Розана Викторовна? – спросил Куприянов.

– Плохо сложилась. Много странствовал по Европе, насколько я знаю. В свите какого-то богача. А в революцию сгинул. Без следа. Ходили слухи, что его расстреляла ВЧК.

– А родственники?

– Есть у него родственники, – кивнула та. – Были по крайней мере.

– И где они, Розана Викторовна?

– Внук живет в Бирюкове. Старичок совсем, но держится. Из стойких. Я с ним встречалась лет десять назад, когда инспектировала тамошний музейчик. У него дома много этюдов деда сохранилось.

Юля выступила вперед:

– А как с ним связаться, Розана Викторовна? С внуком?

– Хотите обрадовать, что нашлись фантастические работы дедушки? Его ночные кошмары?

– Разумеется, – кивнула Юля. – И задать пару вопросов тоже хотим. Я ведь историк, теперь точно буду писать курсовую по Рокотову.

– Хорошее дело, – согласилась старая искусствоведша. – Ладно, идемте ко мне, я вам адрес дам – и разбежимся. У меня дел по горло.

– И у нас, – честно призналась Юля. – Такое открытие!

– Застолбить надо, – поддержал ее Мишка.

– Да кому нужен этот бред? – снисходительно спросила Розана Викторовна. – Вот если бы вы нашли с десятков волжских этюдов Ильи Ефимовича Репина, вот тогда бы мы вам памятник поставили! Может быть. Идемте, энтузиасты!

Они взяли телефон и адрес внука художника и вернулись в зал запасников.

– Зря она так про эти работы, – кивнул Паша на картины, разложенные по полу.

– Конечно, зря, – подтвердил Куприянов. – Но она на Репине помешанная, на великом классике! Он осчастливил Вольжанск своим присутствием и прославил его картиной «Бурлаки». И вообще, Шульц предпочитает только реалистическое искусство, что тут подделаешь!

– Мы снимем этот вернисаж на телефоны, да? – спросила девушка.

Куприянов пожал плечами:

– Пожалуйста! Вот на это вы имеете полное право! Вы же – конкистадоры, первооткрыватели! Вам и карты в руки.

Юля поправила картины, чтобы они лежали ровнее. Трое ребят вытащили телефоны и защелками камерами.

– А теперь, Михаил, вам нужно вернуть картины на место. Первые три коробки. Эту оставим – хочу показать сотрудникам.

– Вы, наверное, экспозицию будете готовить? – предположила Юля. – Такое чудо открыли! Надо всем жителям Вольжанска показать.

– Особенно детям, чтобы заиками стали, – кивнул Мишка.

– Мы поднимем этот вопрос на общем совещании, – заверил ребят искусствовед Куприянов. – Кстати, надо сказать Зинаиде Ивановне, что ее племянник остер на язык. Вы с антрепризами не выступаете, юноша?

– Это я себя перед работой разогреваю, – польщенный, объяснился Мишка. – Кстати, а как насчет грамоты? Вы обещали.

– Буду ходатайствовать, – пообещал искусствовед. – А теперь за работу.

Сомов загрузил картины обратно и вновь «извозился», Паша активно помогал ему. «Вечером поцелую», – едва сдерживая улыбку, тихонько пообещала Юля, когда они на

несколько секунд остались одни. Паше позвонили, и он что-то забурчал в трубку. «Я напомним», – строго ответил Мишка.

Они попрощались с искусствоведом Куприяновым. Потом выпили по чашке чая с печеньем в кабинете у Зинаиды Ивановны, где рассказали о волнующей находке, опять попрощались и вышли на улицу, где уже всюду припекало солнце. Время было за полдень.

2

В одном из полуподвальных бутиков на центральной улице проходила распродажа джинсов и маек. Причем по самой низкой цене.

– Идемте, – сказала Юля.

– Куда? – спросил Мишка.

– Вот в этот подвал.

– Зачем?

– Объясню по дороге, – решительно ответила девушка.

Ребята переглянулись и послушно последовали за ней вниз по узкой лестнице. Вышли через пятнадцать минут. На Мишке была новая синяя майка. И новая черная майка была на Паше. Без рисунка.

– Я уже сказала, – говорила Юля строгим голосом, – пусть это будет мой подарок. Я же приехала из столицы, к тому же я девушка состоятельная. Должна я была сделать своим провинциальным друзьям подарки? Которым не так повезло, как мне? Вот я и сделала. А то у одного майка как у трубочиста, а у другого, – она даже разозлилась, – ну просто кошмар!

– А я думал, она тебе нравится, – вздохнул Паша. – Прикольно ведь: «Крик».

– Вот и я говорю: ужас! Ты, Паша, взрослый мужчина и должен выглядеть соответственно. А не как сбежавший из дурдома псих. Уж прости меня, – она развела руками.

– А мне он с этой страшилкой даже нравился, – не удержался от реплики Сомов. – Отпугивал злых духов! И других психов.

Киселев еще раз вздохнул. Но забота красивой девушки, к которой он был неравнодушен с ранней юности, вдохнула в его сердце удивительное чувство. Это в нем, отчужденном от светской жизни, книгочее, Чудиле, вдруг забурило счастье! Мишке тоже было приятно.

Они шли по солнечной улице и рассматривали фото на айфонах.

– Кстати, а вы ничего не заметили странного в этом ужасном лабиринте, где Минотавр убивал этих молодых людей? – вдруг спросила Юля. – Паша, ты ведь у нас краевед.

Киселев пожал плечами:

– Заметил: хороший лабиринт. Надежный.

– А как у тебя со знанием античности?

– Ну так, в рамках программы.

– Эх ты! Кносский лабиринт царя Миноса на острове Крит был создан из белого камня и белого мрамора. Из того материала, который и был в изобилии на Крите. А тут он сложен из красного кирпича.

– Точно! – воскликнул Паша, да так, что прохожие на них обернулись.

– Хорошо, что ты сейчас не в своей майке, – заметил Мишка. – К чему ты ведешь, Бело-снежка?

– Она к тому, что этот лабиринт, – Киселев потряс айфоном, – из того самого кирпича, который выпускал на своем заводе купец Мельников. Да?

– Именно так, Паша, – кивнула девушка. – Как известно, Лабиринт, куда спрятали подальше от глаз выроodka Минотавра, находился под Кносским дворцом. Я не удивлюсь, если этот лабиринт, – она тоже махнула айфоном, – находится под заводом промышленника Мельникова.

– Вот почему Минотавр по ночам выходит на руины?! – Мишка заморгал глазами. – Жуть какая!

Паша Киселев покачал головой:

– Крутая версия, Пчелкина. Я тебя уважаю. Честно.

– И я, – поспешил добавить Мишка Сомов.

Он ни в чем не желал отставать от долговязого всезнайки! Пока им выпало бок о бок вести расследование.

– Спасибо, мальчики, – улыбнулась девушка. – Ну что, а теперь позвоним внуку художника? Вдруг он нам расскажет что-то интересное? Только уйдем от шума и доберемся до первой лавочки.

Они зашли в крохотный парк в центре города, где мирно журчал фонтан и болтала на лавочках такая же молодежь. Юля набрала номер.

– Алло, это Владимир Константинович Рокотов? Здравствуйте. Вас беспокоит историк Пчелкина из Вольжанска. Мне ваш телефон дала Розана Викторовна Шульц. Да, вы ее знаете. Всего час назад мы нашли в запасниках музея неизвестные ранее картины вашего дедушки – Одиссея Карповича Рокотова. Да! Они удивительные! Я буду писать о них искусствоведческую работу и хотела бы поговорить с вами о его картинах.

– Врет – не краснеет, – покачал головой Мишка, и, как обычно, получил легкий пинок в ногу. – Ай! Жестокая ты, Белоснежка!

– И, конечно, о вашем уникальном дедушке! Поэтому, если вам есть что рассказать, я была бы очень вам благодарна, – продолжала Юля. – Что за картины? – Глаза Юли непритворно вспыхнули. – Там ужасы всякие! На картинах... Дедушка любил ужасы рисовать? – Юля перехватила взгляд Паши, очень внимательно ее слушавшего. – Какие именно ужасы? Там лабиринт Минотавра, представляете? Что?! – после паузы Юля даже в лице изменилась и сделала ребятам большие глаза.

– Что?! – спросили те хором.

– Вы знали, что эта коллекция существовала? Но думали, что погибла? Как интересно, – Юля смотрела на горевшее лицо Мишки, в его пытливые синие глаза. – Вам есть что мне рассказать? А можно, мы сегодня после обеда приедем? Можно? Отлично. И покажем вам работы вашего дедушки – мы сделали фотографии. Я и два моих друга, тоже историки. Да, отлично! Ждите! – Юля дала отбой. – Фу! Вот это реакция!

– Да что он такого сказал? – спросил Паша.

– Что сказал? Вы слышали: он знал, что такая коллекция существует, но думал, что она погибла, как и многие другие коллекции его дедушки. Который действительно любил рисовать ужасы... Ну вот, теперь надо слетать в Бирюков. На чём поедem?

– «Ямаха» только двоих берет, – с чувством превосходства пожал плечами Мишка. – Увы, Павел Александрович!

– А «Нива» четверых, – гордо заметил Киселев.

– Что за «Нива»? – спросила Юля.

Паша пожал плечами:

– У меня «Нива» есть, мне ее отец подарил, я вам не сказал?

Эта новость не на шутку разозлила Мишку Сомова.

– И ты водить умеешь? – Его рыжее лицо зарделось от веселого гнева еще сильнее.

– Легко, – отозвался Паша.

И, сцепив тощие руки на тощей груди, уставился триумфатором на веселые брызги фонтана.

– А кто тебе права дал? Волшебник Мерлин? Нет, ты расскажи. (Паша нервно улыбался и упрямо смотрел в одну точку.) Официальная организация? – не унимался Мишка. – Или ассоциация чуди! Мы же будем жизнями рисковать, Киселев!

Юля взяла Мишку за пальцы:

– Уймись, Гном. Поедем на «Ниве» втроем. Разве плохо?

– Он в шестом классе сказал, что машину времени собрал, помнишь? Ты уверена, Пчелкина, что это не та же самая машина?

– Уймись, говорю.

– Ладно, так и быть, – сдался Сомов. – Могу себе представить: «Нива», Паша и майка «Крик». Пусть права нам покажет.

– Ты покажешь нам права, Паша? – спросила девушка.

– Покажу, – кивнул тот.

И тут же, сменив позу, устремил интригующий взгляд на Юлю.

– Что? – спросила она.

– Мы ведь будем мимо руин завода проезжать. Прямо сейчас. Мимо Лабиринта Минотавра. Можно будет и остановку сделать.

– Точно, там же развилка на три города, – вспомнила Юля. – Что ж, все сходится. Тогда по домам. Перекусим. А потом заезжай за нами, Паша. И поторопись – мы будем тебя ждать во дворе.

– Я просигналю три раза, когда приеду, – пообещал Паша.

Глава четвертая

По следам Фокусника

1

Когда после быстрого обеда Юля вышла во двор, Мишка Сомов уже дожидался ее на скамейке. Даже в тени садика его рыжая физиономия солнечно светилась. Мишка хитро улыбался.

– Чего улыбаешься, Гном? – спросила девушка.

– А ты догадайся.

Она пождала плечами:

– Да скажи уже!

– *Это* будет вечером? – многозначительно произнес он. – Или раньше?

– А-а, вон ты о чем! – вскинула голову Юля. – О поцелуе?

– Как ты сказала: «когда захочешь».

– Я помню.

– Взасос.

Она встала перед ним.

– Да помню я.

– И с чувством.

– Да помню, помню!

– Это хорошо, что помнишь. – Сомов гляделся. – Я вот думаю, а может, сейчас?

– Ну, если хочешь, давай сейчас. – Юля тоже взглянула по сторонам. – Кроме деток в песочнице, четырех бабушек и трех лентяев-котов, за нами никто не наблюдает. Так хочешь сейчас? – Ее веселила подготовка к поцелую. – Так хочешь, Гном?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.